891.7081
Iz1
v. 3
pt.1

CENTRAL CIRCULATION BOOKSTACKS

The person charging this material is responsible for its renewal or its return to the library from which it was borrowed on or before the **Latest Date** stamped below. **You may be charged a minimum fee of $75.00 for each lost book.**

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

TO RENEW CALL TELEPHONE CENTER, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

AUG 1 6 1998

When renewing by phone, write new due date below previous due date. L162

Digitized by the Internet Archive
in 2016

https://archive.org/details/rossiiaizbrannye31unse

Избранные стихи русскихъ поэтовъ.

Серія сборниковъ по періодамъ.

Періодъ Пятый.

Вып. I. (К. Фофановъ — В. Брюсовъ).

Избранные стихи русскихъ поэтовъ

Серія сборниковъ
по періодамъ

Періодъ третій

Выпускъ I

1914

4527

Рис. обложки К. А. Лисскаю.

891.7081
I z 1
v. 3
pt. 1

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Новая поэзія такъ развѣтвилась и усложнилась, что для расположенія новыхъ поэтовъ въ какомъ бы то ни было порядкѣ необходимо требуется опредѣленная ихъ группировка, извѣстная классификація. Мы не можемъ здѣсь не дать хотя бы самыя краткія и общія указанія о руководящихъ началахъ такой усвоенной нами группировки.

Укажемъ прежде всего, что принятое нами расположеніе поэтовъ исходитъ въ общемъ не изъ содержанія, а изъ формы. Но именно поэтому оно тѣсно связано и съ содержаніемъ: ибо содержаніемъ обусловливается и форма. Такъ, напр., С. Городецкій, Ал. Н. Толстой, С. Клычковъ и др., подходя къ природѣ и къ народу черезъ миѳъ, именно какъ „народники“ и „природники“, вырабатываютъ особыя поэтическія формы.

Но, пожалуй, еще точнѣе будетъ сказать, что наша группировка складывалась не столько осознанно по содержанію и по формѣ, сколько по неосознанной, а внутренно чувствуемой комбинаціи ихъ: не столько по *цѣлямъ* и *средствамъ* авторовъ, сколько по получившимся *результатамъ*. Напр., столь различные по формѣ Эллисъ и Добролюбовъ объединены для насъ крайнимъ сосредоточеніемъ религіозной страсти; наоборотъ, Клюевъ по формѣ гораздо болѣе „символистъ-идеалистъ“, чѣмъ Добролюбовъ, нами воспринимается какъ неореалистъ, „природо-народникъ“, вслѣдствіе силы въ немъ конкретной земной жизни. И т. д.

Эта основная внутренняя, такъ сказать, *интонація* поэта опредѣляется тѣмъ, какъ онъ *воспринимаетъ* и *принимаетъ* міръ. Это воспріятіе и „пріятіе“ можетъ имѣть разную степень *отвлеченности* и *объективности*. На верхнихъ ступеняхъ отвлеченія находятся „символисты-идеалисты“, на нижнихъ—„конкрето-символисты“. „Импрессіонисты“ даютъ впечатлѣнія болѣе непосредственныя, субъективныя. „Стилизаторы“ рисуютъ болѣе осознанное, объективированное. „Нео-реалисты“ представляютъ какъ бы синтезирующій центръ и широко и усложненно раскидываются въ обѣихъ этихъ плоскостяхъ.

Хотя въ крайностяхъ своихъ разные типы

новыхъ поэтовъ расходятся очень далеко, но и въ формѣ, и въ духѣ у нихъ всегда много общаго, и эти типы такъ сложно переплетаются и переходятъ одинъ въ другой, что намѣчаемыя ниже группировки по необходимости часто произвольны. Однако во времени, кажется, замѣчается опредѣленная смѣна теченій: сначала стилизаторы и символисты-идеалисты, потомъ конкрето-символисты и нео-реалисты.

Эту послѣдовательность и выражаетъ нижеслѣдующая схема.

1. К. Фофановъ, В. Соловьевъ, П. Соловьева (Allegro) *), М. Лохвицкая, И. Буниннъ—*предвозвѣстники новой поэзіи.*

2. К. Бальмонтъ, З. Гиппіусъ, Ѳ. Сологубъ, В. Брюсовъ—*родоначальники новой поэзіи.*

3. А. Блокъ, А. Бѣлый, В. Ивановъ, И. Коневской, Ю. Балтрушайтисъ, В. Стражевъ, А. Добролюбовъ, Эллисъ, В. Поляковъ — „символисты-идеалисты".

4. М. Кузминъ, М. Волошинъ, Н. Гумилевъ, А-Marie, А. Бискъ, А. Тиняковъ — „стилизаторы".

5. И. Анненскій, В. Гофманъ, Ю. Сидоровъ, И. Новиковъ, В. Пястъ, М. Цвѣтаева,

---

*) Оговоримся, что Allegro является здѣсь наиболѣе спорной и съ равнымъ правомъ можетъ быть отнесена ко II періоду.

И. Эренбургъ, А. Ахматова, Нелли, И. Сѣверянинъ—„импрессіонисты“, „конкрето-символисты“.

6. С. Черный, П. Потемкинъ — „неореалисты-шаржисты“.

7. С. Городецкій, М. Зенкевичъ, О. Мандельштамъ, Л. Столица, П. Радимовъ, А. Н. Толстой, Н. Клюевъ, С. Клычковъ, М. Шагинянъ — неореалисты — „природники“ и „народники“.

К. Фофановъ.

* * *

Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя
Нашептали цвѣтамъ сказки чудныя;
Лепестки улыбнулись атласные,
Задрожали листы изумрудные.
И цвѣты, опьяненные росами,
Разсказали вѣтрамъ сказки нѣжныя —
И распѣли ихъ вѣтры мятежные
Надъ землей, надъ волной, надъ утесами.
И земля, подъ весенними ласками
Наряжаяся тканью зеленою,
Переполнила звѣздными сказками
Мою душу безумно влюбленную.
И теперь, въ эти дни многотрудные,
Въ эти темныя ночи ненастныя,
Отдаю я вамъ, звѣзды прекрасныя,
Ваши сказки задумчиво-чудныя!

СТАНСЫ.

Мой другъ, у нашего порога
Стучится блѣдная нужда,
Но ты не бойся, ради Бога,
Ее—сподвижницу труда.
При ней звучнѣе пѣснь поэта,
И лампа поздняя моя
Горитъ до бѣлаго разсвѣта,
Какъ лучъ иного бытія.
И міръ иной передъ очами,
То міръ восторговъ и чудесъ,
Гдѣ плачутъ чистыми слезами
Во имя правды и небесъ.
То міръ, ниспосланный отъ Бога
Для утѣшенья... И тогда
Стучится слава у порога
И плачетъ блѣдная нужда.

СТАНСЫ СЫНУ.

Люби людей; люби природу...
Неволей ближнихъ и родныхъ
Не покупай себѣ свободу...
Учись у добрыхъ и у злыхъ.
Есть въ небѣ мѣсто яркимъ зорькамъ,
Но тамъ и темной ночи мгла,
И сладкій медъ въ растеньи горькомъ
Находитъ мудрая пчела.

Пусть лучше ты обманутъ дважды
И проклятъ ложью не за ложь,
Чѣмъ самъ обманешь хоть однажды
И на проклятье посягнешь!
Мы, проклиная, сердце губимъ,
И свѣтъ любви теряемъ съ нимъ...
Міръ нашъ—пока его мы любимъ,
Разлюбимъ—станетъ онъ чужимъ.

NOTTURNO.

Все тихо въ безсмертной природѣ
Отъ неба до смолкнувшихъ водъ,
И звѣзды текутъ въ хороводѣ,
И волны ведутъ хороводъ.
Звѣзда на звѣзду заглядѣлась,
Волна обнялася съ волной...
И мнѣ полюбить захотѣлось
Кого-то безсмертной душой,—
Кого-то, кто близокъ отъ вѣка
Свѣтиламъ, землѣ и волнѣ,
Кто близокъ къ мечтѣ человѣка
И ближе... всѣхъ ближе—ко мнѣ!

* * *

Чѣмъ смертоноснѣй влага въ чашѣ,
Тѣмъ наслажденіе полнѣй,—
И чѣмъ страшнѣй безсилье наше—
Тѣмъ жажда жизни тяжелѣй.

Нашъ вѣкъ больной,—въ его безвѣрьи
Мы вопли вѣры узнаемъ;
И стоя къ новому въ преддверьи,
Влачимъ, какъ пытку, день за днемъ.
Горды надломленныя крылья,
И смѣлъ коснѣющій языкъ...
И грустно мнѣ, что въ дни усилья
Нашъ вѣкъ безсиліемъ великъ.

У ПОРОГА.

Стою смущенный у порога,
Когда-то нѣжнаго мечтамъ—
Смирилась дерзкая тревога,
Померкъ сіяющій мой храмъ.
Я потерялъ земное счастье,
Невозвратимыя мечты,
Поблекли годы сладострастья,
Какъ ядовитые цвѣты!
И странно—только демонъ властный
Изъ сердца грѣшнаго исчезъ,
Какъ съ нимъ затмился рой прекрасный,
И сны, и геніи небесъ!
Въ душѣ смирилася тревога,
Я жизнь безропотно понесъ...
Иль только демонъ ищетъ Бога
Для оправданія и слезъ?...

ЛАВРЪ.

Угрюмый лавръ—земныхъ побѣдъ
И славы тайная услада—
Онъ не цвѣтетъ; ему не надо
Цвѣтовъ,—онъ самъ и плодъ и цвѣтъ!
Онъ хмуръ, какъ вѣчности завѣтъ,
Онъ гордъ тоскою упованій,
И дружба въ даръ его несетъ
На гробъ оплаканныхъ страданій,
Какъ будто тамъ онъ расцвѣтетъ,
Гдѣ нѣтъ тоски и воздыханій!...

ОСИНА.

Опасность близится; о, помогите мнѣ!
И листья робкіе трепещутъ у осины...
Вокругъ безвѣтріе, и дремлютъ въ тишинѣ
Усталыя стада на зелени долины...
И вотъ рокочетъ громъ въ стемнѣвшей вышинѣ,
Шатаетъ ураганъ деревья-исполины...
А листья робкіе застѣнчивой осины
Все такъ же трепетно лепечутъ въ полуснѣ:
Опасность близится,—о, помогите мнѣ!

* * *

Подъ напѣвъ молитвъ пасхальныхъ
И подъ звонъ колоколовъ
Къ намъ летитъ весна изъ дальнихъ,
Изъ полуденныхъ краевъ.
Въ зеленѣющемъ уборѣ
Млѣютъ темные лѣса,
Небо блещетъ точно море,
Море—точно небеса.
Сосны въ бархатѣ зеленомъ,
И душистая смола
По чешуйчатымъ колоннамъ
Янтарями потекла.
И въ саду у насъ сегодня
Я замѣтилъ, какъ тайкомъ
Похристосовался ландышъ
Съ бѣлокрылымъ мотылькомъ.

* * *

Голубая неба мгла
Душнымъ пологомъ легла
И, тоскуя, обожгла
Запыленную листву.
По обрывамъ у канавъ
Вьются пчелы—и припавъ
Къ стебелькамъ зеленыхъ травъ,

Мнится—грезятъ на яву.
Зной, повсюду тяжкій зной!
И томленье и покой—
Лишь оборванной струной
Шмель, летая, дребезжитъ.
За лѣсами—цѣпь холмовъ
Изъ косматыхъ облаковъ;
Вихремъ молній и громовъ
Небо издали грозитъ!

ПОСЛѢ ГРОЗЫ.

Остываетъ западъ розовый,
Ночь увлажена дождемъ;
Пахнетъ почкою березовой,
Мокрымъ щебнемъ и пескомъ.
Пронеслась гроза надъ рощею,
Поднялся туманъ съ равнинъ,
И дрожитъ листвою тощею
Мракъ испуганныхъ вершинъ.
Спитъ и бредитъ полночь вешняя,
Робкимъ холодомъ дыша.
Послѣ бурь весна безгрѣшнѣе,
Какъ влюбленная душа.
Вспышкой жизнь ея сказалася,
Ей любить пришла пора...
Засмѣялась... разрыдалася...
И умолкла до утра!...

ЛАНДЫШЪ.

Какъ скроменъ ты, питомецъ мая,
Не налюбуюся тобой,
Когда ты, весь благоухая,
Сверкаешь утренней росой.
Склоняя чепчикъ свой измятый
Не отъ грозы—отъ нѣгъ ночей,
Ты дремлешь, грезами объятый,
Встрѣчая ранній свѣтъ лучей.
Когда твой вздохъ зарей румяной
Въ лѣсу сосновомъ слышу я,
Душа томится грустью странной
Для грѣшныхъ вздоховъ бытія.
И у тебя была сильфида,—
Насъ обманувшая весна.
Но какъ свѣтла твоя обида!
И какъ печаль моя темна!

* * *

Печально верба наклоняла
Зеленый локонъ свой къ пруду,
Земля въ томленьи изнывала,
Ждала вечернюю звѣзду.
Сіяло небо необъятно,
И въ немъ, какъ стая легкихъ сновъ,
Скользили розовыя пятна
Завечерѣвшихъ облаковъ.

Молчалъ я, полнъ любви и муки;
Въ моей душѣ, какъ облака,
Роились сны, тѣснились звуки,
И пѣла смутная тоска.
И мнѣ хотѣлось въ то мгновенье
Живою пѣснью воскресить
Все, перешедшее въ забвенье,
И незабвенное забыть!...

* * *

Въ мутномъ туманѣ почила земля,
Темныя тучи надъ жнивьемъ нависли...
Падаютъ листья съ сухого стебля,
Падаютъ позднія мысли.
Другъ мой, я жду—не дождусь до огня...
Вечеръ зарю не затеплилъ ошибкой;
Ты, мое солнце, освѣтишь меня
Поздней и нѣжной улыбкой.

ВЪ РЕВНИВУЮ НОЧЬ.

Сонъ благодатный, сойди. Я одиноко страдаю.
Маки на ложе мое, какъ звѣзды на небо, раскинь.
Книга любви прочтена, книгу терзаній читаю...
Свѣча догораетъ... Темнѣй и темнѣе... Аминь...

СОНЕТЪ.

Лучезарныя грезы кружатъ и плывутъ надо мной;
Сонъ бѣжитъ отъ очей; жжетъ холодное ложе меня.
Я окно распахнулъ: душный воздухъ тяжелъ предъ грозой,
Въ бѣлой ночи чуть блещетъ мерцанье почившаго дня.
Дальній лѣсъ на лазури темнѣетъ зубчатой стѣной,
Пыль дымится вдали, слышенъ топотъ тяжелый коня.
Лучезарныя грезы плывутъ и плывутъ, какъ волна за волной...
Опалили огнемъ, подхватили, какъ крылья меня,—
И несутъ, и несутъ! Какъ пловецъ, утомленный борьбой
Съ непокорной стихіей, весло упускаетъ, стеня,
Въ безднѣ безднъ опустилъ я оковы заботы земной,
Чадъ раздумья, тревоги и бредъ отлетѣвшаго дня.
И не знаю — то жизнь ли, смѣяся, играетъ со мной,
Или смерть, улыбаясь, надъ бездной качаетъ меня?...

* * *

Бездыханная поляна
Бѣлымъ снѣгомъ убрана;
На дорогу изъ тумана
Свѣтитъ тусклая луна.
Осребренныя ракиты —
Какъ алмазною парчей —
Снѣжнымъ инеемъ покрыты,
Заколдованы зимой.
Въ этомъ блескѣ, въ этой шири,
Въ этой тусклой вышинѣ —
Виденъ міръ въ потухшемъ мірѣ,
Виденъ сонъ въ глубокомъ снѣ...

НА НЕВѢ.

Нѣтъ ночи, а не день. Надъ сонною Невою
Вечерняя заря румянится тепло,
Но вѣтеръ ужъ пахнулъ прохладою ночною
И морщитъ свѣтлыхъ водъ прозрачное стекло.
Пурпурнымъ янтаремъ пылаютъ окна зданій,
Какъ будто бы тамъ ночь справляетъ пиръ весны,
Узоры пестрые далекихъ очертаній
Въ лиловый полумракъ, какъ въ дымъ, погружены.
Удавомъ каменнымъ змѣится цѣпь гранита
И паутиной мачтъ темнѣютъ корабли;
Уныло ночь молчитъ, и грусть кругомъ разлита,
И слышенъ вздохъ небесъ въ молчаніи земли.

И точно чей-то глазъ, какъ лучъ любви случайной,
Мнѣ въ душу заглянулъ пытливо и свѣтло,
И все, что было въ ней загадкою иль тайной—
Все въ звуки облеклось, все имя обрѣло.
И страстныя мечты, больныя до истомы,
Наполнили меня блаженною тоской...
И мнится, что вокругъ всѣ пышныя хоромы,
Вся эта ночь и блескъ намъ вызваны мечтой.
И мнится—даль небесъ какъ пологъ распахнется,
И каменныхъ громадъ недвижный караванъ
Вотъ-вотъ сейчасъ, сейчасъ, волнуясь, колыхнется,
И въ блѣдныхъ небесахъ исчезнетъ, какъ туманъ.

СОНЪ.

Мнѣ снилось—мы шли по степи ароматной.
Кругомъ темнѣла ночь спокойная; вдали
Тѣснились выси скалъ. Въ лазури необъятной
Горѣли зерна звѣздъ—свѣтильники земли.
И чувствовали мы, что съ нами кто-то рядомъ,
Чуть зримый, молодой, таинственно идетъ:
Онъ не блисталъ красой и не блисталъ нарядомъ,
Онъ тихъ и блѣденъ былъ, какъ мѣсяцъ въ лонѣ водъ.
Намъ было хорошо со спутникомъ туманнымъ,
Казалось, онъ сердца восторгомъ обжигалъ,
Но вотъ шатнулся мракъ шатромъ благоуханнымъ
И дымная роса поднялася отъ скалъ...
И спутникъ нашъ поплылъ съ невѣрными тѣнями...

Онъ къ небу улетѣлъ въ лазоревое дно—
И тамъ, гдѣ онъ исчезъ, какъ свѣтлое вино
Разлилася заря багряными струями...
И стало грустно мнѣ... И въ страхѣ пробужденный
Я жадно сталъ искать разгадки тайной сна...
И вотъ увидѣлъ я, печальный и смущенный,
Что у тебя въ косѣ мерцаетъ сѣдина.
Я разгадалъ свой сонъ! То юность улетѣла,
Какъ спутникъ призрачный. О, другъ мой дорогой,
Она покинуть насъ совсѣмъ еще не смѣла
И свѣтитъ издали намъ тихою зарей.

* * *

Есть странныя минуты: бытіе
Смѣняется почти небытіемъ...
Не трогаетъ вниманіе ничье,
И совѣсть тихо дремлетъ. О быломъ
Ни вздоха, ни слезы; какъ мракъ, уныло
Грядущее... И не страшатъ утраты,
И не пугаетъ душная могила!...
Воспоминаній ветхія заплаты
На рубищѣ прошедшаго мерцаютъ...
Но, блѣдныя, онѣ не докучаютъ,—
Уснувшихъ чувствъ не трогаютъ они!
Ни юности, ни радости не жалко...
И солнечною ночью длятся дни...
Едва жужжитъ судьбы лѣнивой прялка,
Едва горятъ сердечные огни.

ОСЕННЕЕ РАЗДУМЬЕ.

Осеннихъ тучъ побѣгъ неровный
И снѣгъ бѣлѣющій въ тѣни,
И сумерки, и звонъ церковный,
И эти ранніе огни,—
И въ шири неба голубого
Блеснувшій вдругъ аэролитъ,—
Все о безцѣльности земного
Мечтѣ унылой говоритъ.
Уязвлена тоскою лѣни,
Надъ всѣми вѣетъ смерть крыломъ,
И люди движутся кругомъ,
Какъ засыпающія тѣни.
И пусть міръ силится до дна
Исчерпать глубь своихъ стремленій,
Жизнь—сновидѣніе безъ сна,
А смерть... смерть—сонъ безъ сновидѣній!

* * *

Гдѣ ты видѣла, чтобъ рыцарь,
Выѣзжая на турниръ,
Могъ заслушаться бы лѣсомъ
Или звономъ струнныхъ лиръ?
Нѣтъ, онъ ѣдетъ въ тяжкомъ шлемѣ,
При мечѣ, угрюмъ и смѣлъ,
И коня не остановитъ,
Какъ бы звучно лѣсъ ни пѣлъ!

Если-жъ рыцарь шлемъ тяжелый
Сниметъ съ гордой головы,
Щитъ отброситъ и приляжетъ
Въ тѣнь душистую листвы,
И начнетъ глядѣть на звѣзды
Или слушать шумъ лѣсной,—
Это значитъ—онъ безумный,
Оскорбленный и больной.

ЗАБЫТАЯ ЧАСОВНЯ.

На дорогѣ у обрыва
Есть часовня, гдѣ давно
Огоньки лампады поздней
Не мигаютъ сквозь окно.
Въ ней погасли, въ ней увяли,
Точно въ памяти мечты,
Ѳиміамы и молитвы,
И лампады, и цвѣты...
Но и въ мрачномъ запустѣньи
Съ торжествующей весной
Вкругъ нее гремитъ и плещетъ
Жизнь немолчною волной—
Отъ заржавленныхъ рѣшетокъ
До согнувшихся ступень,
Сладко дышитъ вкругъ часовни
Ароматная сирень;

Подъ навѣсами карнизовъ
Юныхъ ласточекъ семья
Лѣпитъ гнѣзда и щебечетъ
О весельи бытія;
И какъ позднее прощанье
У былого алтаря,
Медлитъ въ стеклахъ потускнѣвшихъ
Отходящая заря.

В. Соловьевъ.

* * *

Въ туманѣ утреннемъ невѣрными шагами,
Я шелъ къ таинственнымъ и чуднымъ берегамъ.
Боролася заря съ послѣдними звѣздами,
Еще летали сны—и схваченная снами
Душа молилася невѣдомымъ богамъ.

Въ холодный бѣлый день дорогой одинокой,
Какъ прежде, я иду въ невѣдомой странѣ.
Разсѣялся туманъ, и ясно видитъ око,
Какъ труденъ горный путь, и какъ еще далеко,
Далеко все, что̀ грезилося мнѣ.

И до полуночи неробкими шагами
Все буду я итти къ желаннымъ берегамъ,
Туда, гдѣ на горѣ, подъ новыми звѣздами
Весь пламенѣющій побѣдными огнями,
Меня дождется мой завѣтный храмъ.

* * *

Милый другъ, не вѣрю я нисколько
Ни словамъ твоимъ, ни чувствамъ, ни глазамъ,
И себѣ не вѣрю, вѣрю только
Въ высотѣ сіяющимъ звѣздамъ.
Эти звѣзды мнѣ стезею млечной
Насылаютъ вѣрныя мечты,
И растятъ въ пустынѣ безконечной
Для меня нездѣшніе цвѣты.
И межъ тѣхъ цвѣтовъ, въ томъ вѣчномъ лѣтѣ,
Серебромъ лазурнымъ облита,
Какъ прекрасна ты, и въ звѣздномъ свѣтѣ
Какъ любовь свободна и чиста.

* * *

Вся въ лазури сегодня явилась
Предо мною царица моя,—
Сердце сладкимъ восторгомъ забилось,
И въ лучахъ восходящаго дня
Тихимъ свѣтомъ душа засвѣтилась,
А вдали, догорая, дымилось
Злое пламя земного огня.

ОСЕННЕЮ ДОРОГОЙ.

Меркнетъ день. Надъ усталой, поблекшей землей
Неподвижныя тучи висятъ,
Подъ прощальнымъ уборомъ листвы золотой
И березы, и липы сквозятъ.
Душу обняли нѣжно-тоскливые сны,
Замерла безконечная даль.
И роскошно-блестящей и шумной весны
Примиренному сердцу не жаль.
И какъ будто земля, отходя на покой,
Погрузилась въ молитву безъ словъ,
И спускается съ неба невидимый рой
Блѣднокрылыхъ, безмолвныхъ духовъ.

* * *

Земля Владычица! Къ тебѣ чело склонилъ я,
И сквозь покровъ благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутилъ я,
Услышалъ трепетъ жизни міровой.
Въ полуденныхъ лучахъ такою нѣгой жгучей
Сходила благодать сіяющихъ небесъ,
И блеску тихому несли привѣтъ пѣвучій
И вольная рѣка, и многошумный лѣсъ,
И въ явномъ таинствѣ вновь вижу сочетанье
Земной души со свѣтомъ неземнымъ,
И отъ огня любви житейское страданье
Уносится какъ мимолетный дымъ.

* * *

Не по волѣ судьбы, не по мысли людей,
Не по мысли твоей я тебя полюбилъ,
И любовію вѣщей моей
Отъ невидимой злобы, отъ тайныхъ сѣтей
Я тебя ограждалъ, я тебя оградилъ.
Пусть сбираются тучи кругомъ,
Вѣетъ бурей зловѣщей и слышится громъ,
Не страшися! Любви моей щитъ
Не падетъ передъ темной судьбой.
Межъ небесной грозой и тобой
Онъ, какъ встарь, неподвижно стоитъ.
А когда предъ тобою и мной
Смерть погаситъ всѣ свѣточи жизни земной,
Пламень вѣчной любви, какъ съ Востока звѣзда,
Поведетъ насъ туда, гдѣ немеркнущій свѣтъ,
И предъ Богомъ ты будешь тогда,
Передъ Богомъ любви—мой отвѣтъ.

* * *

Бѣдный другъ, истомилъ тебя путь,
Теменъ взоръ, и вѣнокъ твой измятъ,
Ты войди же ко мнѣ отдохнуть.
Потускнѣлъ, догорая, закатъ.

Гдѣ была и откуда идешь,—
Бѣдный другъ, не спрошу я, любя;
Только имя мое назовешь—
Молча къ сердцу прижму я тебя.
Смерть и Время царятъ на землѣ,—
Ты владыками ихъ не зови:
Все, кружась, исчезаетъ во мглѣ,
Неподвижно лишь солнце любви!

СОНЪ НА ЯВУ.

Лазурное око
Сквозь мрачно нависшія тучи...
Ступая глубоко
По снѣжной пустынѣ сыпучей,
Къ загадочной цѣли
Иду одиноко.
За мной только ели,
Кругомъ лишь далеко
Раскинулась озера ширь въ своемъ бѣломъ уборѣ,
И вслухъ тишина говоритъ мнѣ: «Нежданное
сбудется вскорѣ!»
Лазурное око
Опять потонуло въ туманѣ,
Въ тоскѣ одинокой
Блѣднѣетъ надежда свиданій...

Печальныя ели
Темнѣютъ вдали безъ движенья,
Пустыня безъ цѣли,
И путь безъ стремленья,
И голосъ все тотъ же звучитъ, въ тишинѣ, безъ укора:
«Конецъ уже близокъ; нежданное сбудется скоро!».

Allegro.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Городъ тумановъ и сновъ
Встаетъ предо мною
Съ громадой неясною
Тяжкихъ домовъ,
Съ цѣпью дворцовъ,
Отраженныхъ холодной Невою.
Жизнь торопливо бредетъ
Здѣсь къ цѣли незримой.
Я узнаю тебя съ прежней тоской,
Городъ больной,
Неласковый городъ любимый.
Ты меня мучишь, какъ сонъ,
Вопросомъ несмѣлымъ...
Ночь, но мерцаетъ зарей небосклонъ...
Ты весь побѣжденъ
Сумракомъ бѣлымъ.

* * *

День догорѣлъ, въ изнеможеньѣ
Вздыхая, вѣтеръ пролетѣлъ,
Пролепеталъ еще мгновенье
И задремалъ и онѣмѣлъ.
Все обнялъ ночи сумракъ мглистый,
И лишь блестятъ изъ темноты
Березы призракъ серебристый
И липы блѣдные цвѣты.
На столъ нашъ, ярко освѣщенный,
Толпы крылатыя летятъ,
И мотылекъ полусожженный
Предсмертнымъ трепетомъ объятъ.

ДОЖДЬ.

Сѣрое небо и черныя ели,
Шумъ и дыханье дождя...
Слезъ удержать небеса не сумѣли,
Сумрачный день проведя.
Вздрагивать влажные листья устали,
Въ тягость имъ капли дождя.
Вечеръ задумчивъ и полонъ печали,
Въ темную ночь уходя.
Власть полуночной тиши уступая,
Словно бойцы безъ вождя,
Крадутся робко, по крышѣ ступая,
Капли ночного дождя.

* * *

Что-то страшное чернѣетъ въ углу...
Это тѣни легли на полу,
Но не бойся: скорѣй подойди
И спокойно гляди—
Никого,
Ничего...
Если-жъ тьма въ моемъ сердцѣ лежитъ
И пугаетъ тебя и томитъ,
Не пытайся ее превозмочь,
И въ беззвѣздную ночь
Не гляди,
Уходи...

М. Лохвицкая.

* * *

Я не знаю, зачѣмъ упрекаютъ меня,
Что въ созданьяхъ моихъ слишкомъ много огня,
Что стремлюсь я навстрѣчу живому лучу
И навѣтамъ унынья внимать не хочу.
Что блещу я царицей въ нарядныхъ стихахъ,
Съ діадемой на пышныхъ моихъ волосахъ,
Что изъ риѳмъ я себѣ ожерелье плету,
Что пою я любовь, что пою красоту.
Но безсмертья я смертью своей не куплю
И для пѣсенъ я звонкія пѣсни люблю.
И безумью ничтожныхъ мечтаній моихъ
Не измѣнитъ мой жгучій, мой женственный стихъ.

* * *

Ты мнѣ не вѣришь, ты мнѣ не вѣришь,
Какъ будто въ пѣсняхъ возможна ложь!
Мои желанья—ты не измѣришь,
Мои признанья—ты не поймешь.

Есть даръ великій, есть даръ чудесный,
Поющій сладко въ ночной тиши.
Я съ нимъ блаженна и въ жизни тѣсной,
И въ гордыхъ мукахъ моей души.
Порой, блистая огнемъ лазури,
Онъ вѣетъ сказкой былыхъ временъ.
Порой промчится на крыльяхъ бури,
Порой пробрезжитъ, какъ вѣщій сонъ.
Такъ знойный вѣтеръ, колыша травы,
Сжигаетъ въ полѣ златую рожь,—
Не для веселья, не для забавы...
Но ты не вѣришь, ты не поймешь.

* * *

Не мучь меня, когда, во тьмѣ рожденный,
Восходитъ день въ сіяніи весны,
Когда шуршатъ въ листвѣ непробужденной
Предутренніе сны.
Не мучь меня, когда молчатъ надежды,
И для борьбы нѣтъ силъ въ моей груди,
И я твержу, смеживъ въ томленьи вѣжды:
Приди, приди, приди!
Не мучь меня, когда лазурь темнѣетъ,
Лѣса шумятъ—и близится гроза:
Когда упасть съ моихъ рѣсницъ не смѣетъ
И очи жжетъ слеза.
Когда я жду въ безрадостномъ раздумьѣ,
Кляну тебя—и призываю вновь.
Не мучь меня, когда я вся—безумье,
Когда я вся—любовь.

* * *

Чего ты хочешь? Назови!
Моей тоски? Моихъ терзаній?
Зачѣмъ въ завѣтный мигъ любви
Ты избѣгалъ моихъ лобзаній?
Былъ чуждъ и нѣмъ твой властный взоръ,
Какъ торжество безъ упоенья...
Иль мой униженный позоръ
Тебѣ отраднѣе забвенья?
Но страсть моя была чиста
Въ мечтахъ, въ безумствахъ и въ печали,
И въ мигъ, когда твои уста
Моимъ устамъ не отвѣчали.

* * *

Я жажду наслажденій знойныхъ,
Во тьмѣ потушенныхъ свѣчей,
Утѣхъ блаженно-безпокойныхъ,
Изъ вздоховъ сотканныхъ ночей.
Я жажду знойныхъ наслажденій,
Нездѣшнихъ ласкъ, безсмертныхъ словъ,
Неописуемыхъ видѣній,
Неповторяемыхъ часовъ.
Я наслажденій знойныхъ жажду,
Я жду божественнаго сна,
Зову, ищу, сгораю, стражду,
Проходитъ жизнь,—и я одна!

ПОДЗЕМНАЯ СВАДЬБА.

Какъ глубокò вѣнчалъ насъ Вельзевулъ!
Какъ глухо пѣлъ хоръ демоновъ согласный.
Подъ сводами гудѣлъ неясный гулъ.
Отъ черныхъ свѣчъ дымился пламень красный.
И, вотъ органъ занылъ, заскрежеталъ,
Со вздохами невыразимой муки
Медлительно вращался тяжкій валъ,
И скорбные росли и крѣпли звуки.
Свершался тихо свадебный обрядъ,
Вотъ—руки намъ на вѣкъ соединили.
Вотъ—подняли вѣнцы. Они горятъ.
Они зажглись огнемъ алмазной пыли.
Но, вотъ, забилъ сильнѣе дымъ кадилъ,
Глубокій вздохъ пронесся въ гулкомъ залѣ,—
И мѣрный голосъ внятно возвѣстилъ
О томъ—о чемъ мечтать мы не дерзали.
Не странно ли, не чудно-ль слышать намъ,
Что властны мы дышать своей любовью,
Не заплативъ завистливымъ богамъ
Ничьимъ покоемъ, жизнію иль кровью.
Что гнетъ запрета канулъ навсегда.
Что властны мы смотрѣть другъ другу въ очи—
Безъ скрытыхъ слезъ. Любить—всегда, всегда.
Вдвоемъ—и дни, и ночи. Дни и ночи.

О, что̀ намъ въ томъ, что насъ вѣнчаетъ адъ,—
Крѣпка любовь—внѣ міра, внѣ измѣны.
Погасли свѣчи. Кончился обрядъ.
Затихъ органъ. Раздались, дрогнувъ стѣны.
О, наконецъ, другъ другу мы вольны
Открыть желаній жадныхъ безконечность.
Забыты жизни призрачные сны.
Забыта скорбь земли.—Предъ нами вѣчность.

ВЪ ПОЛЕВЫХЪ ЦВѢТАХЪ.

Мнѣ донесся въ часъ заката
Ароматъ твоихъ кудрей,
Ты меня любовью брата
Оживи и отогрѣй.
Приходи на лугъ цвѣтистый,
Гдѣ безшумно подъ ногой
Дрокъ струится золотистый
Благовонной пеленой.
Гдѣ межъ крестиковъ гвоздики
Блекнетъ, сломленный борьбой,
Въ цѣпкихъ листьяхъ павилики
Колокольчикъ голубой.
Тамъ, надъ ложемъ красной кашки,
Съ гулкимъ звономъ вьется шмель,
Желто-бѣлыя ромашки
Стелютъ мягкую постель.

Тамъ зыбучимъ покрываломъ
Травы сонныя цвѣтутъ,
Тамъ печальнымъ, тамъ усталымъ
Зрѣетъ ласковый пріютъ.
Будь мнѣ другомъ иль влюбленнымъ,
Но безмолвствуй о любви,
Поцѣлуемъ изступленнымъ
Свѣтлыхъ сновъ не отрави.
Дай забыться въ грезахъ чистыхъ
И, проснувшись поутру,
Разбуди въ цвѣтахъ росистыхъ—
Не подругу, а сестру.

МОЕ НЕБО.

Небо и всѣ наслажденія неба я вижу
Въ личикѣ дѣтскомъ, — и глазъ оторвать не могу я...
Ангелъ безгрѣшный, случайно попавшій на землю,
Сколько ты счастья принесъ! Какъ ты мнѣ дорогъ, дитя!
Вьются и золотомъ кудри твои отливаютъ,
Блещутъ вкругъ милой головки твоей ореоломъ,
Весь ты—какъ облачко, свѣтомъ зари залитое,
Чистый, какъ ландышъ лѣсной,—майскій прелестный цвѣтокъ!

Съ кроткою ласкою изсиня-темные глазки
Въ душу мнѣ смотрятъ и цвѣтомъ походятъ на небо,
Въ мигъ потемнѣвшее передъ грозою весенней...
Небо во взорѣ твоемъ я созерцаю, дитя!
Гдѣ та страна, о которой лепечутъ намъ сказки?
Въ край тотъ чудесный тебя на рукахъ бы снесла я,
Молча, босая, по острымъ каменьямъ пошла бы,
Лишь бы избавить тебя терній земного пути.
Боже!ославъ мнѣ ребенка, ты небо открылъ мнѣ!
Умъ мой очистилъ отъ суетныхъ, мелкихъ желаній!
Въ грудь мнѣ вдохнулъ непонятныя новыя силы!
Въ сердце горячемъ зажегъ—пламя безсмертной любви!

ЛІОНЕЛЬ.

Ліонель, пѣвецъ луны,
Любитъ призрачные сны,
Зыбь болотнаго огня,
Трепетъ листьевъ и—меня.
Кроютъ мысли торжество
Строфы легкія его,
Нѣжатъ слухъ, и дышетъ въ нихъ
Запахъ лилій водяныхъ.

Ліонель, мой милый братъ,
Любитъ меркнущій закатъ,
Ловитъ блѣдные слѣды
Пролетающей звѣзды.
Жадно пьетъ его душа
Тихій шорохъ камыша,
Крики чаекъ, плескъ волны,
Вздохи «вольной тишины».
Ліонель, любимецъ мой,
Днемъ—безстрастный и нѣмой,
Оживаетъ въ мглѣ ночной
Съ луннымъ свѣтомъ и—со мной,
И когда я запою,
Онъ забудетъ грусть свою,
И прижметъ къ устамъ свирѣль
Мой пѣвецъ, мой Ліонель.

ПИЛИГРИМЫ.

Знойнымъ солнцемъ палимы,
Вдаль идутъ пилигримы
Поклониться гробницѣ священной.
Отъ одеждъ запыленныхъ,
Отъ очей просвѣтленныхъ
Вѣетъ радостью цѣли блаженной.
Тяжела ихъ дорога—
И отставшихъ такъ много,
Утомленныхъ отъ зноя и пыли,

Что̀ легли на дорогѣ,
Что̀ забыли о Богѣ,
О крылатыхъ видѣньяхъ забыли.
Имъ въ сіяющей дали
Голоса отзвучали,
Отжурчали поющія рѣки.
Имъ—безъ времени павшимъ,
Имъ—до срока уставшимъ,
Не простится вовѣки. Вовѣки.

* * *

Я хочу умереть молодой,
Не любя, не грустя ни о комъ;
Золотой закатиться звѣздой,
Облетѣть неувядшимъ цвѣткомъ.
Я хочу, чтобъ на камнѣ моемъ
Истомленные долгой враждой
Находили блаженство вдвоемъ...
Я хочу умереть молодой!
Схороните меня въ сторонѣ
Отъ докучныхъ и темныхъ дорогъ,
Тамъ, гдѣ верба склонилась къ волнѣ,
Гдѣ желтѣетъ некошенный дрокъ.
Чтобы сонные маки цвѣли,
Чтобы вѣтеръ дышалъ надо мной
Ароматами дальней земли...
Я хочу умереть молодой!

Не смотрю я на пройденный путь,
На безумье растраченныхъ лѣтъ:
Я могу беззаботно уснуть:
Если гимнъ мой послѣдній допѣтъ...
Пусть не меркнетъ огонь до конца,
И останется память о той,
Что для жизни будила сердца...
Я хочу умереть молодой!

СПЯЩІЙ ЛЕБЕДЬ.

Земная жизнь моя—звенящій,
Невнятный шорохъ камыша,
Имъ убаюканъ лебедь спящій,
Моя тревожная душа.
Вдали мелькаютъ торопливо
Въ исканьяхъ жадныхъ корабли.
Спокойно въ заросли залива,
Гдѣ дышетъ грусть, какъ гнетъ земли.
Но звукъ, изъ трепета рожденный,
Скользнетъ въ шуршаньѣ камыша—
И дрогнетъ лебедь пробужденный,
Моя безсмертная душа.
И понесется въ міръ свободы,
Гдѣ вторятъ волнамъ вздохи бурь,
Гдѣ въ перемѣнчивыя воды
Глядится вѣчная лазурь.

И. Бунинъ.

ВЪ АЛЬПАХЪ.

На высотѣ, на снѣговой вершинѣ,
Я вырѣзалъ стальнымъ клинкомъ сонетъ.
Проходятъ дни. Быть можетъ, и донынѣ
Снѣга хранятъ мой одинокій слѣдъ.
На высотѣ, гдѣ небеса такъ сини,
Гдѣ радостно сіяетъ зимній свѣтъ,
Глядѣло только солнце, какъ стилетъ
Чертилъ мой стихъ на изумрудной льдинѣ.
И весело мнѣ думать, что поэтъ
Меня пойметъ. Пусть никогда въ долинѣ
Его толпы не радуетъ привѣтъ.
На высотѣ, гдѣ небеса такъ сини,
Я вырѣзалъ въ вечерній часъ сонетъ
Лишь для того, кто бродитъ на вершинѣ.

ТРЯСИНА.

Болото тихой сѣверной страны
Въ осеннихъ сумеркахъ таинственнѣй погоста.
Цвѣтутъ цвѣты. Мы не поймемъ ихъ роста
Изъ заповѣдныхъ нѣдръ, изъ сонной глубины.
Порой, грустя, мы вспоминаемъ что-то...
Но что? Мы и землѣ и Богу далеки...
Въ гробахъ трясинъ родятся огоньки...
Во тьмѣ родится свѣтъ... Мы—огоньки болота.

НА РАСПУТЬИ.

(В. М. Васнецову).

На распутьи въ дикомъ древнемъ полѣ
Черный воронъ на крестѣ сидитъ.
Заросла бурьяномъ степь на волѣ,
И въ травѣ заржавѣлъ старый щитъ.
На распутьи люди начертали
Роковую надпись: «Путь прямой
Много бѣдъ готовитъ, и едва ли
Ты по ней воротишься домой.
Путь направо безъ коня оставитъ,—
Побредешь одинъ и сиръ и нагъ,—
А того, кто влѣво путь направитъ,
Встрѣтитъ смерть въ незнаемыхъ поляхъ».

Жутко мнѣ. Вдали стоятъ могилы...
Въ нихъ былое дремлетъ вѣчнымъ сномъ.
«Отзовися, воронъ чернокрылый!
Укажи мнѣ путь въ краю глухомъ.
Я покинулъ островъ Царь-Дѣвицы,
Сине море, теремъ и сады,
Не ищу я по свѣту Жаръ-Птицы,—
Укажи мнѣ ключъ живой воды,
Свѣтлый ключъ, который воскрешаетъ
Усыпленныхъ мертвою водой
И цвѣтами степи украшаетъ
Призывая къ жизни молодой!»
Но молчитъ угрюмо воронъ вѣщій,
Неподвижно на крестѣ сидитъ
И угрюмо, зоркій и зловѣщій,
На меня и на коня глядитъ.
Дремлетъ полдень. На тропахъ звѣриныхъ
Тлѣютъ кости въ травахъ. Три пути
Вижу я въ желтѣющихъ равнинахъ...
Но куда и какъ по нимъ итти?
Гдѣ равнина дикая граничитъ?
Кто, пугая чуткаго коня,
Въ тишинѣ изъ синей дали кличетъ
Человѣчьимъ голосомъ меня?
И неужели нѣтъ пути иного,
Гдѣ бы могъ пройти я, не губя,
Ни надеждъ, ни счастья, ни былого,
Ни коня, ни самого себя?

Вѣетъ поле тишиной великой!
Мертвецы въ могилахъ древнихъ спятъ.
Очарованъ красотою дикой
Опускаю я покорно взглядъ.
Вижу я курганы въ тихомъ полѣ...
Много лѣтъ стоятъ они, и нѣтъ
Дѣла имъ до нашей бѣдной доли,
До мгновенныхъ радостей и бѣдъ!
И одинъ я въ полѣ, и отважно
Жизнь зоветъ, а смерть въ глаза глядитъ...
Черный воронъ сумрачно и важно,
Полусонный, на крестѣ сидитъ.

БРОДЯГИ.

На позабытомъ трактѣ къ Оренбургу,
Въ безплодной и холмистой котловинѣ
Большой глухой дороги на востокъ,
Стоитъ въ лугу холщевая кибитка
И бродитъ кляча въ путахъ. Ни души
Нѣтъ на лугу,—цыганъ въ кибиткѣ дремлетъ,—
И дѣвочка-подростокъ у дороги
Сидитъ себѣ одна и равнодушно,
Съ привычной скукой смотритъ на закатъ:
На солнце, уходящее за пашню,
На блескъ лучей надъ темнымъ косогоромъ.
Наморщивъ лобъ отъ вѣтра, вся въ лохмотьяхъ,
Она слѣдитъ въ безлюдьи за холоднымъ,
Печальнымъ солнцемъ, тѣнью отъ холма,

И алой пылью, вѣющей съ дороги
Изъ-подъ копытъ кобылы,—что-то напѣваетъ...
Какая глушь! Какая скудость жизни!
Какіе заунывные напѣвы!
Но для чего-жъ, зачѣмъ же я сроднился
Съ печалью степи? Отчего такъ сладко
Мнѣ рисовать ея глухую жизнь?
О, что-то есть прекрасное въ забытыхъ
Нѣмыхъ поляхъ, какъ въ тишинѣ осенней!
Бродя по свѣту, выгнанный изъ дому
Родною скукой, часто вспоминаю
Я собственное дѣтство: протекало
Оно въ степи, среди лощинъ и пашней,
Среди такихъ же голыхъ косогоровъ,
Какъ вотъ на этомъ трактѣ; много тихихъ,
Печальныхъ дѣтствъ зачѣмъ-то расцвѣтало
И расцвѣтетъ не разъ еще въ безлюдьи
Степныхъ полей; мнѣ тяжело любить ихъ,
Но какъ забыть родное?..
Ни души
Нѣтъ на лугу, а солнце въ тучку сѣло,
Темнѣетъ въ котловинѣ, вѣтеръ дуетъ,
И ночь идетъ... Пошли, Господь, бродягамъ
Не думать днемъ и не слыхать, какъ ночью
Шатается въ сухомъ бурьянѣ вѣтеръ
И что-то шепчетъ, словно въ забытьи.
Спи подъ кибиткой, дѣвочка! Проснешься—
Буди отца больного, запрягай—
И снова въ путь... А для чего—кто скажетъ?
Жизнь, какъ могила въ полѣ, молчалива.

СЪ КУРГАНА.

Дымится поле, разсвѣтъ бѣлѣетъ,
Въ степи туманной кричатъ орлы,
И дико звонокъ ихъ плачъ голодный
Среди холодной плывущей мглы.
Въ росѣ ихъ крылья, въ росѣ бурьяны,
Благоухаютъ поля со сна...
Зарею сладокъ твой бодрый холодъ,
Твой томный голодъ—твой зовъ, весна.
Ты побѣдила—вся степь дымится,
Надъ степью властно кричатъ орлы,
И тучи жаркимъ горятъ пожаромъ,
И солнце шаромъ встаетъ изъ мглы.

* * *

Бушуетъ полая вода,—
Шумитъ и глухо и протяжно.
Грачей пролетныя стада
Кричатъ и весело и важно.
Дымятся черные бугры,
И утромъ въ воздухѣ нагрѣтомъ
Густые бѣлые пары
Напоены тепломъ и свѣтомъ.
А въ полдень лужи подъ окномъ
Такъ разливаются и блещутъ,
Что яркимъ солнечнымъ пятномъ
По залу «зайчики» трепещутъ.

Межъ круглыхъ рыхлыхъ облаковъ
Невинно небо голубѣетъ,
И солнце ласковѣе грѣетъ
Въ затишьѣ гуменъ и дворовъ.
Весна, весна! И всей ей радо:
Какъ въ забытьи какомъ стоишь
И слышишь свѣжій запахъ сада
И теплый запахъ талыхъ крышъ.
Кругомъ вода журчитъ, сверкаетъ,
Крикъ пѣтуховъ звучитъ порой,
А вѣтеръ, мягкій и сырой,
Глаза тихонько закрываетъ.

СЧАСТЬЕ.

Весенняго ливня мы жаждемъ...
Ужъ тучки синѣютъ сердито,
И въ воздухѣ пахнетъ дождемъ,
А къ югу все небо раскрыто...
Какъ чисто и весело въ немъ!
Нѣтъ солнца, но свѣтлы пруды,—
Стоятъ зеркалами литыми,
И чаши недвижной воды
Совсѣмъ бы казались пустыми,
Но въ нихъ отразились сады.
Вдругъ капля, какъ шляпка гвоздя,
Упала,—и сотнями иголъ,
Затоны прудовъ бороздя,
Сверкающій ливень запрыгалъ—
И садъ зашумѣлъ отъ дождя.

И вѣтеръ, играя листвой,
Смѣшалъ молодыя березки,
И солнечный лучъ, какъ живой,
Зажегъ задрожавшія блестки,
А лужи налилъ синевой.
Вонъ радуга... Весело жить
И весело думать о небѣ,
О солнцѣ, о зрѣющемъ хлѣбѣ,
И счастьемъ простымъ дорожить:
Съ открытой бродить головой,
Глядѣть, какъ разсыпали дѣти
Въ бесѣдкѣ песокъ золотой...
Иного нѣтъ счастья на свѣтѣ.

СѢВЕРНАЯ БЕРЕЗА.

Надъ озеромъ, надъ заводью лѣсной —
Нарядная зеленая береза.
— «О, дѣвушки! Какъ холодно весной;
Я вся дрожу отъ вѣтра и мороза!»
То дождь, то градъ, то снѣгъ, какъ бѣлый пухъ,
То солнце, блескъ, лазурь и водопады.
— «О, дѣвушки! Какъ веселъ лѣсъ и лугъ!
Какъ радостны весенніе наряды!»
Опять, опять нахмурилось,—опять
Мелькаетъ снѣгъ, и боръ гудитъ сурово.
— «Я вся дрожу. Но только-бъ не измять
Зеленыхъ лентъ! Вѣдь солнце будетъ снова».

* * *

Нынче ночью кто-то долго пѣлъ.
Далеко скитаясь въ темномъ полѣ,
Голосъ грустной удалью звенѣлъ,
Пѣлъ о прошломъ счастьѣ и о волѣ.
Я открылъ окно и сѣлъ на немъ.
Ты спала... Я долго слушалъ жадно...
Съ поля пахло рожью и дождемъ,
Ночь была безмолвна и прохладна.
Что въ душѣ тотъ голосъ пробудилъ,
Я не знаю. Но душа грустила,
И тебя такъ нѣжно я любилъ,
Какъ меня когда-то ты любила.
И хотѣлось мнѣ простить тебѣ
Все, что въ сердцѣ я скрывалъ глубоко,
Покориться горестной судьбѣ
И уйти—на вѣкъ и одиноко.
Выплакать страданія свои
И, скитаясь ночью въ темномъ полѣ,
Пѣть о прошломъ счастьѣ и о волѣ,
О своей загубленной любви.

* * *

Какъ свѣтла, какъ нарядна весна...
Погляди мнѣ въ глаза, какъ бывало,
И скажи, отчего ты грустна?
Отчего ты такъ ласкова стала?
Но молчишь ты, слаба, какъ цвѣтокъ...
О, молчи!—мнѣ не надо признанья:
Я узналъ эту ласку прощанья,—
Я опять одинокъ.

* * *

Звѣзды ночи осенней, холодныя звѣзды,
Какъ угрюмо и грустно мерцаете вы.
Небо тускло и глухо, какъ своды собора,
И заливы морскіе—темны и мертвы.
Млечный Путь надъ заливами смутно бѣлѣетъ,
Точно саванъ ночной, точно блѣдный просвѣтъ,
Въ бездну Вѣчныхъ Ночей, въ запредѣльное небо,
Гдѣ ни скорби, ни радости нѣтъ.
И осеннія звѣзды, угрюмо мерцая
Безнадежнымъ мерцаніемъ тусклыхъ лучей,
Говорятъ объ иной—о предвѣчной печали
Запредѣльныхъ Ночей.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВѢЗДА.

За все Тебя, Господь, благодарю,
Ты, послѣ дня тревоги и печали,
Даруешь мнѣ вечернюю зарю,
Просторъ полей и кротость синей дали.
Я одинокъ и нынче, какъ всегда.
Но вотъ закатъ разлилъ свой пышный пламень,
И таетъ въ немъ Вечерняя Звѣзда,
Дрожа насквозь, какъ самоцвѣтный камень.
И счастливъ я печальною судьбой,
И есть отрада сладкая въ сознаньи,
Что я одинъ въ безмолвномъ созерцаньи,
Что всѣмъ я чуждъ и говорю—съ Тобой.

К. Бальмонтъ.

* * *

Будемъ какъ Солнце! Забудемъ о томъ,
Кто насъ ведетъ по пути золотому,
Будемъ лишь помнить, что вѣчно къ иному,
Къ новому, къ сильному, къ доброму, къ злому,
Ярко стремимся мы въ снѣ золотомъ.
Будемъ молиться всегда неземному,
Въ нашемъ хотѣньи земномъ!
Будемъ, какъ Солнце всегда — молодое,
Нѣжно ласкать огневые цвѣты,
Воздухъ прозрачный и все золотое.
Счастливъ ты? Будь же счастливѣе вдвое,
Будь воплощеньемъ внезапной мечты!
Только не медлить въ недвижномъ покоѣ,
Дальше, еще, до завѣтной черты,
Дальше, насъ манитъ число роковое
Въ Вѣчность, гдѣ новые вспыхнутъ цвѣты.
Будемъ какъ Солнце, оно — молодое.
Въ этомъ завѣтъ Красоты!

* * *

Люди Солнце разлюбили, надо къ Солнцу ихъ
вернуть,
Свѣтъ Луны они забыли, потеряли Млечный путь.
Развѣнчавъ Царицу-Воду, отрекаясь отъ Огня,
Измѣнили всю Природу, замокъ Ночи, праздникъ
Дня.
Въ тюрьмахъ думъ своихъ, въ сцѣпленьи
зданій-склеповъ, словъ-могилъ,
Позабыли о теченьи Чиселъ, Вѣчности, Свѣтилъ.
Но качнулось коромысло золотое въ Небесахъ,
Мысли Неба, Звѣзды-числа, брызнувъ, свѣтятъ
здѣсь въ словахъ.
Здѣсь мои избрали строки, пали въ мой
журчащій стихъ,
Чтобъ звенѣли въ немъ намеки всѣхъ колодцевъ
неземныхъ.
Чтобъ къ Стихіямъ людямъ блѣднымъ показалъ
я свѣтлый путь,
Чтобы вновь стихомъ побѣднымъ въ Царство
Солнца всѣхъ вернуть.

ЗАВѢТЪ БЫТІЯ.

Я спросилъ у свободнаго Вѣтра,
Что мнѣ сдѣлать, чтобъ быть молодымъ.
Мнѣ отвѣтилъ играющій вѣтеръ:
«Будь воздушнымъ, какъ вѣтеръ, какъ дымъ!»
Я спросилъ у могучаго Моря,
Въ чемъ великій завѣтъ бытія.
Мнѣ отвѣтило звучное Море:
«Будь всегда полнозвучнымъ, какъ я!»
Я спросилъ у высокаго Солнца,
Какъ мнѣ вспыхнуть свѣтлѣе зари.
Ничего не отвѣтило Солнце,
Но душа услыхала: «Гори!»

ДВОЙНАЯ ПЕРЕВЯЗЬ.

Я вѣрю въ свѣтлое начало,
И знаю правду темноты.
Во мракѣ Ночь меня качала,
Чтобъ Дню я показалъ цвѣты.

* * *

Еще необходимо любить и убивать,
Еще необходимо накладывать печать.
Быть внѣшнимъ и жестокимъ, быть нѣжнымъ безъ конца,
И всѣхъ манить волненіемъ красиваго лица.

Еще необходимо. Ты видишь, почему:
Мы всѣ стремимся къ Богу, мы тянемся къ Нему.
Но Богъ всегда уходитъ, всегда къ Себѣ маня,
И хочетъ тьмы—за свѣтомъ, и послѣ ночи—дня.
Всегда разнообразныхъ, Онъ хочетъ новыхъ сновъ,
Хотя бы безобразныхъ, мучительныхъ міровъ,
Но только полныхъ жизни, бросающихъ свой крикъ,
И гаснущихъ покорно, создавши новый мигъ.
И маятникъ всемірный, незримый для очей,
Ведетъ по лабиринту разсвѣтовъ и ночей.
И сонмы звѣздъ несутся по страшному пути,
И Богъ всегда уходитъ. И мы должны идти.

* * *

Одна есть въ мірѣ красота,
Не красота боговъ Эллады,
И не влюбленная мечта,
Не горъ тяжелыя громады,
И не моря, не водопады,
Не взоровъ женскихъ чистота.
Одна есть въ мірѣ красота —
Любви, печали, отреченья
И добровольнаго мученья
За насъ распятаго Христа.

НА РУБЕЖѢ.

Я вспомнилъ молодость... Обычныя мгновенья
Надеждъ, наивности, влюбленности, забвенья,
Что свѣтитъ пламенемъ воздушно-голубымъ
И превращается внезапно въ черный дымъ.
Зачѣмъ такъ памятно нѣмою пеленою,
Видѣнья юности, вы стали предо мною?
Уйдите. Мнѣ нельзя вернуться къ чистотѣ,
И я уже не тотъ, и вы уже не тѣ.
Вы только призраки, вы горькіе упреки,
Терзанья совѣсти, просроченные сроки.
А я двойникъ себя, я всадникъ на конѣ,
Безцѣльно ѣдущій — куда? Кто скажетъ мнѣ!
Все помню... Старый садъ... Цвѣты... Чуть дышатъ вѣтки...
Тамъ счастье плакало въ заброшенной бесѣдкѣ,
Тамъ кто-то былъ съ лицомъ, въ которомъ боли нѣтъ,
Съ лицомъ моимъ—увы—моимъ въ шестнадцать лѣтъ.

Неподражаемо-стыдливыя свиданья,
Любви несознанной огонь и трепетанья,
Слова, поющія въ душѣ лишь тѣ года,
«Люблю», «Я твой», «Твоя», «Мой милый», «Навсегда»

UNIVERSITY OF
ILLINOIS LIBRARY
AT URBANA-CHAMPAIGN

Какъ сладко вмѣстѣ быть. Какъ страшно сѣсть
съ ней рядомъ!
Какъ можно выразить всю душу быстрымъ
взглядомъ!
О, сказкой ставшая, поблекнувшая быль!
О, крылья бабочки, съ которыхъ стерлась пыль!
Темнѣй ложится тѣнь, сокрытъ густымъ навѣсомъ
Мой старый бѣдный садъ, смѣненный дикимъ
лѣсомъ.
Невинный шопотъ сновъ, ты сердцемъ позабытъ,
Я слышу грубый звукъ, я слышу стукъ копытъ.
То голосъ города, то гулъ глухихъ страданій,
Рожденныхъ сумракомъ нѣмыхъ и тяжкихъ зданій.
То голосъ призраковъ замученныхъ тобой,
Кошмаръ, исполненный уродливой борьбой,
Живое кладбище блуждающихъ скелетовъ,
Съ гнилымъ роскошествомъ зауженныхъ отвѣтовъ.
Очагъ, въ чью пасть идутъ хлѣба съ кровавыхъ нивъ,
Гдѣ слабымъ мѣста нѣтъ, гдѣ силенъ тотъ, кто
лживъ,
Но тамъ есть счастіе — уйти безповоротно,
Душой своей души къ тому, что̀ мимолетно,
Что̀ свѣтитъ радостью иного бытія,
Мечтать, искать и ждать—какъ сдѣлалъ это я.
Мнѣ грезились міры, рожденные мечтою,
Я землю осѣнялъ своею красотою,
Я всѣхъ любилъ, на все склонялъ свой жадный взоръ,
Но мракъ ужъ двинулся и шелъ ко мнѣ, какъ воръ.
Мнѣ стыдно плоскости печальныхъ приключеній,
Вселенной жаждалъ я, а мой вампирный геній

Былъ просто женщиной, познавшей лишь одно,
Красивой женщиной, привыкшей пить вино.
Она такъ медленно раскидывала сѣти,
Мы веселились съ ней, мы были съ ней, какъ дѣти,
Пронизанъ солнцемъ былъ ласкающій туманъ,
И я на шеѣ вдругъ почувствовалъ арканъ.
И пьянство дикое, чумной порокъ Россіи,
Съ непобѣдимостью властительной стихіи,
Меня низринуло съ лазурной высоты
Въ провалы низости, тоски и нищеты.
Иди, иди, мой конь. Страшатъ воспоминанья.
Хочу забыть себя, убить самосознанье.
Что пользы вспоминать теперь, передъ концомъ,
Что я случайно былъ и мужемъ и отцомъ,
Что хоронилъ дѣтей, что иногда, случайно...
О, нѣтъ, молчи, молчи! Пусть лучше эта тайна
Умретъ въ тебѣ самомъ, какъ умерло давно,
Что̀ было такъ свѣтло судьбой тебѣ дано....

ТРИ ЦВѢТА.

Черный, желтый и красный —
Три испанскіе цвѣта.
Сіянье тріады согласной
Разгадано сердцемъ поэта.
Черный цвѣтъ подозрѣнья
Страшенъ душамъ невѣрнымъ,
Обманчивый мигъ утоленья
Къ возмездьямъ приводитъ примѣрнымъ.

Желтый — дикая ревность,
Жгучесть раненой чести,
До времени скрытая гнѣвность,
Злорадство разсчитанной мести.
Всѣхъ отчетливѣй — красный
Полный жизни и смерти,
Довѣрьтесь тріадѣ согласной,
Любите, но страсти не вѣрьте.

СТАРАЯ ПѢСЕНКА.

Mamma, mamma, perchè lo dicesti?—Figlia, figlia, perchè. lo facesti?

Изъ неумирающихъ разговоровъ.

Жили въ мірѣ дочь и мать.
«Гдѣ бы денегъ намъ достать?»
Говорила это дочь.
А сама — темнѣй, чѣмъ ночь.
«Будь теперь я молода,
Не спросила-бъ я тогда.
Я-бъ сумѣла ихъ достать».
Говорила это — мать.
Такъ промолвила со зла,
На минуту отошла.
Но на цѣлый вечеръ прочь,
Прочь ушла куда-то дочь.

«Дочка, дочка, — Боже мой! —
Что ты дѣлаешь со мной?»
Испугалась, плачетъ мать,
Долго будетъ дочку ждать.
Много времени прошло.
Быстро въ мірѣ ходитъ зло.
Мать обмолвилась со зла.
Дочь ей денегъ принесла.
Помертвѣла, смотритъ мать.
«Хочешь деньги сосчитать?»
«Дочка, дочка, — Боже мой,
Что ты сдѣлала съ собой?»
«Ты сказала — я пошла».
«Я обмолвилась со зла».
«Ты обмолвилась, — а я
Оступилась, мать моя».

ПРИДОРОЖНЫЯ ТРАВЫ.

Спите, полумертвые, увядшіе цвѣты,
Такъ и не узнавшіе расцвѣта красоты,
Близъ путей заѣзженныхъ взрощенные Творцомъ,
Смятые невидѣвшимъ тяжелымъ колесомъ.

Въ часъ, когда всѣ празднуютъ рожденіе весны,
Въ часъ, когда сбываются несбыточные сны,
Всѣмъ дано безумствовать, лишь вамъ однимъ нельзя,
Возлѣ васъ раскинулась заклятая стезя.

Вотъ, полуизломаны, лежите вы въ пыли,
Вы, что въ небо дальнее свѣтло глядѣть могли,
Вы, что встрѣтить счастіе могли бы, какъ и всѣ,
Въ женственной, въ нетронутой, въ дѣвической красѣ.
Спите же, взглянувшіе на страшный пыльный путь,
Вашимъ равнымъ—царствовать, а вамъ—навѣкъ уснуть.
Богомъ обдѣленные на праздникѣ мечты,
Спите, не видавшіе расцвѣта красоты.

БЕЗГЛАГОЛЬНОСТЬ.

Есть въ русской природѣ усталая нѣмость,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящія дали.
Приди на разсвѣтѣ на склонъ косогора,—
Надъ зябкой рѣкою дымится прохлада,
Чернѣетъ громада застывшаго бора,
И сердцу такъ больно, и сердце не радо.
Недвижный камышъ. Не трепещетъ осока,
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убѣгаютъ далеко-далеко.
Во всемъ утомленье, глухое, нѣмое.

Войди на закатѣ, какъ свѣжія волны,
Въ прохладную глушь деревенскаго сада,—
Деревья такъ сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу такъ грустно, и сердце не радо.
Какъ будто душа о желанномъ просила,
И сдѣлали ей незаслуженно-больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачетъ, и плачетъ, и плачетъ невольно.

ЧЕТЫРЕ.

Отблескъ зеркальной дальной Луны,
Ландышъ вѣнчальный, вздохъ тишины,
Это влюбленность весны.
Жаркой гвоздики лики кругомъ,
Красные вскрики, жаръ надъ цвѣткомъ,
Это есть Лѣто съ огнемъ.
Танецъ багряный пьяныхъ листовъ,
Яркія раны, токъ холодовъ,
Осень, и вдовій покровъ.
Бархатный иней, синяя тьма,
Льдяности линій, тишь, терема,
Это царица Зима.

НАРЯДЫ ФЕИ.

У Феи—глазки изумрудные,
Все на траву она глядитъ.
У ней наряды дивно-чудные—
Опалъ, топазъ и хризолитъ.

Есть жемчуга изъ свѣта луннаго,
Какихъ не видѣлъ взоръ ничей.
Есть поясокъ покроя струннаго
Изъ яркихъ солнечныхъ лучей.

Еще ей платье подвѣнечное
Далъ колокольчикъ полевой,
Сулилъ ей счастье безконечное,
Звонилъ въ цвѣтокъ свой голубой.

Росинка съ грезой серебристою
Зажглась алмазнымъ огонькомъ,
А ландышъ свѣчкою душистою
Горѣлъ на свадьбѣ съ Свѣтлякомъ.

ОСЕНЬ.

Поспѣваетъ брусника,
Стали дни холоднѣе,
И отъ птичьяго крика
Въ сердцѣ только грустнѣе.

Стаи птицъ улетаютъ
Прочь, за синее море,
Всѣ деревья блистаютъ
Въ разноцвѣтномъ уборѣ.
Солнце рѣже смѣется,
Нѣтъ въ цвѣтахъ благовонья.
Скоро Осень проснется
И заплачетъ спросонья.

МЕЧТАТЕЛЬНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Мечтательный вечеръ надъ лѣсомъ дышалъ безмятежно,
Отъ новой Луны протянулась лучистая нить,
И первыя звѣзды мерцали такъ слабо и нѣжно,
Какъ будто бы вѣтеръ чуть слышный ихъ могъ погасить.
И было такъ странно, и были такъ сказочны ели,
Какъ мертвая сталь, холодѣла поверхность рѣки.
О чемъ-то невнятномъ, о чемъ-то печальномъ, безъ цѣли,
Какъ будто бы пѣли надъ влажнымъ пескомъ тростники.
И въ блѣдномъ объятьи двѣ тѣни родныя дрожали,
И каждой хотѣлось въ другой о себѣ позабыть,
Какъ будто бы можно въ блаженствѣ не вѣдать печали,
Какъ будто бы сердце людское способно любить!

Я ОТДАЛЪ СЕБЯ.

Я отдалъ себя, увидавши дорогу.
Одной—поцѣлуй. И поэму—другой.
Звѣздой промелькнулъ, убѣгающей къ Богу.
Въ ночи закурчавился пѣной морской.
Мнѣ радостно было—быть радостью нѣжной.
Тамъ въ сердцѣ. Тамъ въ сердцѣ. И въ этомъ.
И въ томъ.
И ласкою нѣжной, въ пустынѣ безбрежной,
Растаялъ... Развѣянъ... Во всемъ... И ни въ чемъ...

ЗВѢЗДНЫЙ ХОРОВОДЪ.

Я заглянулъ во столько глазъ,
Что позабылъ я навсегда,
Когда любилъ я въ первый разъ,
И не любилъ—когда?
Какъ тотъ Севильскій Донъ-Жуанъ,
Я Вѣчный Жидъ, минутный мужъ.
Я знаю сказки многихъ странъ
И тайну многихъ душъ.
Мгновенья нѣжной красоты
Соткалъ я въ звѣздный хороводъ.
Но неисчерпанность мечты

Меня зоветъ—впередъ!
Что было разъ, то было разъ,
Душѣ любить запрета нѣтъ.
Хочу я блеска новыхъ глазъ,
Непознанныхъ планетъ.
Волненье сладостной тоски
Меня уноситъ вновь и вновь.
И я всегда гляжу въ зрачки,
Чтобъ въ нихъ читать—любовь.

* * *

Я буду ждать тебя мучительно,
Я буду ждать тебя года,
Ты манишь сладко-исключительно,
Ты обѣщаешь навсегда.
Ты вся—безмолвіе несчастія,
Случайный свѣтъ во мглѣ земной,
Неизъясненность сладострастія,
Еще непознаннаго мной.
Своей усмѣшкой вѣчно-кроткою,
Лицомъ всегда склоненнымъ ницъ,
Своей неровною походкою
Крылатыхъ, но не ходкихъ птицъ
Ты будишь чувства тайно-спящія,
И знаю, не затмитъ слеза
Твои куда-то прочь глядящіе,
Твои невѣрные глаза.

Не знаю, хочешь ли ты радости,
Уста къ устамъ прильнуть ко мнѣ,
Но я не знаю высшей сладости,
Какъ быть съ тобой наединѣ.
Не знаю, смерть ли ты нежданная,
Иль нерожденная звѣзда,
Но буду ждать тебя, желанная,
Я буду ждать тебя всегда!

* * *

Она отдалась безъ упрека,
Она цѣловала безъ словъ.
— Какъ темное море глубоко.
Какъ дышутъ края облаковъ!
Она не твердила: «Не надо»,
Обѣтовъ она не ждала.
— Какъ сладостно дышетъ прохлада,
Какъ таетъ вечерняя мгла!
Она не страшилась возмездья,
Она не боялась утратъ.
— Какъ сказочно свѣтятъ созвѣздья,
Какъ звѣзды безсмертно горятъ!

ЛѢСНЫЯ ТРАВЫ.

Я люблю лѣсныя травы,
Ароматныя,
Поцѣлуи и забавы,
Невозвратныя.

Колокольные призывы,
Отдаленные,
Надъ ручьемъ уснувшимъ ивы,
Полусонныя.
Очертанья лицъ мелькнувшихъ,
Неизвѣстныя,
Тѣни сказокъ обманувшихъ,
Безтѣлесныя.
Все, что̀ манитъ и обманетъ
Насъ загадкою,
И навѣки сердце ранитъ
Тайной сладкою.

У МОРЯ НОЧЬЮ.

У Моря ночью, у Моря ночью
Темно и страшно. Хруститъ песокъ.
О, какъ мнѣ больно у Моря ночью.
Есть гдѣ-то счастье. Но путь далекъ.
Я вижу звѣзды. Одна мнѣ свѣтитъ
Другихъ свѣтлѣе, и всѣхъ нѣжнѣй,
Но если сердце ее отмѣтитъ,
Она далеко, не быть мнѣ съ ней.
Я умираю у Моря ночью.
Песокъ затянетъ, зальетъ волна.
У Моря ночью, у Моря ночью
Меня полюбитъ лишь Смерть одна.

ЛЕБЕДЬ.

Заводь спитъ. Молчитъ вода зеркальная.
Только тамъ, гдѣ дремлютъ камыши,
Чья-то пѣсня слышится печальная,
Какъ послѣдній вздохъ души.
Это плачетъ лебедь умирающій,
Онъ съ своимъ прошедшимъ говоритъ,
А на небѣ вечеръ догорающій
И горитъ, и не горитъ.
Отчего такъ грустны эти жалобы?
Отчего такъ бьется эта грудь?
Въ этотъ мигъ душа его желала бы
Невозвратное вернуть.
Все, чѣмъ жилъ съ тревогой, съ наслажденіемъ,
Все, на что надѣялась любовь,
Проскользнуло быстрымъ сновидѣніемъ,
Никогда не вспыхнетъ вновь.
Все, на чемъ печать непоправимаго,
Бѣлый лебедь въ этой пѣснѣ слилъ,
Точно онъ у озера любимаго
О прощеніи молилъ.
И когда блеснули звѣзды дальнія,
И когда туманъ вставалъ въ глуши,
Лебедь пѣлъ все тише, все печальнѣе,
И шептались камыши.
Не живой онъ пѣлъ, а умирающій,
Оттого онъ пѣлъ въ предсмертный часъ,
Что предъ смертью вѣчной, примиряющей,
Видѣлъ правду въ первый разъ.

ЗОЛОТАЯ ЗВѢЗДА.

Золотая звѣзда надъ Землею въ пространствѣ летѣла
И съ Лазури на сонную Землю упасть захотѣла.
Обольстилась она голубыми земными цвѣтами,
Изумрудной травой и шуршащими въ полночь листами.
И, раскинувши путь золотой по Лазури бездонной,
Полетѣла, какъ ангелъ—какъ ангелъ преступно-влюбленный.
Чѣмъ быстрѣй улетала она, тѣмъ блистала яснѣе,
И горѣла, сгорала, въ восторгѣ любви пламенѣя.
И, зардѣвшись блаженствомъ, она уступила безсилью,
И, Земли не коснувшись, разсыпалась яркою пылью.

МОРСКОЕ ЧУДО.

Отправился Витязь къ безвѣстностямъ странъ,
По синему морю, чрезъ влажный туманъ.
Плыветъ, развернулась предъ нимъ бирюза,
Морская пучина — кругомъ вся глаза.
То Чудо струило дрожанье лучей,
И все состояло изъ устъ и очей.
Глубинная бездна окружно зажглась,
Глядѣла несчетностью пляшущихъ глазъ.

Глядѣла на Витязя зыбко-свѣтло,
Въ рукѣ у него задрожало весло.
Шептала устами, какъ Вѣчность, ему.
«Ужъ ѣхать ли?»—Витязь подумалъ,—«Къ чему?»
У Чуда Морского, куда ни взгляни,
Все очи, все очи, во взорахъ огни.
У Чуда Морского, въ дрожаніи струй,
Все губы, все губы, вездѣ поцѣлуй.
И Витязю стало такъ странно-свѣтло,
И влага, скользнувши, умчала весло.
И дрогнули очи, и влажности губъ
Такъ долго ласкали безжизненный трупъ.

ПТИЦА СИРИНЪ.

Птица Сиринъ на Морѣ живетъ.
На утесѣ цвѣтномъ,
На скалистомъ уступѣ, надъ вѣчной измѣнностью
водъ,
Начинающихъ съ шопота волю свою, и ее
возносящихъ какъ громъ,
Птица Сиринъ на Морѣ живетъ.
Надъ глубокой водой,
Птица Сиринъ такъ сладко поетъ,
Чуть завидитъ корабль, зачаруетъ мечтой
золотой,
На плывущихъ наводитъ забвенье и сонъ,
Распинаетъ корабль на подводныхъ камняхъ,
Утопаютъ пловцы, въ расцвѣченныхъ волнахъ,

Услаждается музыкой весь небосклонъ,
Звуки смѣха со всѣхъ возрастаютъ сторонъ.
Безпощадна Любовь съ Красотой,
Кто-то властный о Жизни и Смерти поетъ,
Надъ пустыней сѣдой кто-то есть молодой,
Кто струну озаритъ — и порветъ.
Птица Сиринъ на Морѣ живетъ,
Надъ глубокой водой.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА.

Въ замкѣ былъ веселый балъ,
Музыканты пѣли.
Вѣтерокъ въ саду качалъ
Легкія качели.
Въ замкѣ, въ сладостномъ бреду,
Пѣла-пѣла скрипка.
А въ саду была въ пруду
Золотая рыбка.
И кружились подъ Луной,
Точно вырѣзныя,
Опьяненныя Весной,
Бабочки ночныя.
Прудъ качалъ въ себѣ звѣзду,
Гнулись травы гибко.
И мелькала тамъ въ пруду
Золотая рыбка.
Хоть не видѣли ея
Музыканты бала,

Но отъ рыбки, отъ нея,
Музыка звучала.
Чуть настанетъ тишина,
Золотая рыбка
Промелькнетъ, и вновь видна
Межъ гостей улыбка.
Снова скрипка зазвучитъ,
Пѣсня раздается.
И въ сердцахъ Любовь журчитъ,
И Весна смѣется.
Взоръ ко взору шепчетъ: «Жду!»
Такъ свѣтло и зыбко.
Оттого что тамъ въ пруду —
Золотая рыбка.

* * *

Я мечтою ловилъ уходящія тѣни,
Уходящія тѣни погасшаго дня,
Я на башню всходилъ, и дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня.
И чѣмъ выше я шелъ, тѣмъ яснѣй рисовались,
Тѣмъ яснѣй рисовались очертанья вдали,
И какіе-то звуки вдали раздавались.
Вкругъ меня раздавались отъ Небесъ и Земли.
Чѣмъ я выше всходилъ, тѣмъ свѣтлѣе сверкали,
Тѣмъ свѣтлѣе сверкали выси дремлющихъ горъ,
И сіяньемъ прощальнымъ какъ будто ласкали,
Словно нѣжно ласкали отуманенный взоръ.

И внизу подо мною ужъ ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей Земли,
Для меня же блистало дневное свѣтило,
Огневое свѣтило догорало вдали.
Я узналъ, какъ ловить уходящія тѣни,
Уходящія тѣни потускнѣвшаго дня,
И все выше я шелъ, и дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня.

З. Гиппіусъ.

ПѢСНЯ.

Окно мое высоко надъ землею,
Высоко надъ землею.
Я вижу только небо съ вечернею зарею,
Съ вечернею зарею.
И небо кажется пустымъ и блѣднымъ,
Такимъ пустымъ и блѣднымъ...
Оно не сжалится надъ сердцемъ бѣднымъ,
Надъ моимъ сердцемъ бѣднымъ!
Увы, въ печали безумной я умираю,
Я умираю,
Стремлюсь къ тому, чего я не знаю,
Не знаю...
И это желаніе — не знаю откуда,
Пришло откуда,
Но сердце хочетъ и проситъ чуда,
Чуда!
О, пусть будетъ то, чего не бываетъ,
Никогда не бываетъ!

Мнѣ блѣдное небо чудесъ обѣщаетъ,
Оно обѣщаетъ.
Но плачу безъ слезъ о невѣрномъ обѣтѣ,
О невѣрномъ обѣтѣ...
Мнѣ нужно то, чего нѣтъ на свѣтѣ,
Чего нѣтъ на свѣтѣ!

БЕЗСИЛІЕ.

Смотрю на море жадными очами,
Къ землѣ прикованный, на берегу...
Стою надъ пропастью — надъ небесами —
И улетѣть къ лазури не могу.
Не вѣдаю, возстать иль покориться,
Нѣтъ смѣлости ни умереть, ни жить...
Мнѣ близокъ Богъ — но не могу молиться,
Хочу любви — и не могу любить.
Я къ солнцу, къ солнцу руки простираю,
И вижу пологъ блѣдныхъ облаковъ...
Мнѣ кажется, что истину я знаю —
И только для нея не знаю словъ.

ПѢТУХИ.

Ты пойми,—мы ни тамъ, ни тутъ,
Дѣло наше такое, — бездомное.
Пѣтухи поютъ, поютъ...
Но лицо небесъ еще темное.
На деревья гляди, — на верхи.
Не колеблетъ ихъ близость разсвѣтная...
Все поютъ, поютъ пѣтухи, —
Но земля молчитъ неотвѣтная...

ДЬЯВОЛЕНОКЪ.

Мнѣ повстрѣчался дьяволенокъ,
Худой и щуплый — какъ комаръ.
Онъ тѣломъ былъ совсѣмъ ребенокъ,
Лицомъ же дикъ: остеръ и старъ.
Шелъ дождь... Дрожитъ, темнѣетъ тѣло,
Намокла всклоченная шерсть...
И я подумалъ: Эко дѣло!
Вѣдь тоже мерзнетъ. Тоже персть.
Твердятъ: любовь, любовь! Не знаю.
Не слышно что-то. Не видалъ.
Вотъ жалость... Жалость понимаю.
И дьяволенка я поймалъ.
Пойдемъ, дѣтенышъ! Хочешь грѣться?
Не бойся, шерстку не ерошь.
Что тутъ на улицѣ тереться?
Дамъ дѣткѣ сахару... Пойдешь?
А онъ вдругъ эдакъ сочно, зычно,
Мужскимъ ласкающимъ баскомъ
(Признаться—даже неприлично
И жутко было это въ немъ) —
Пророкоталъ: «Что сахаръ? Глупо!
Я, сладкій, сахару не ѣмъ.
Давай телятинки, да супа...
Ужъ я пойду къ тебѣ совсѣмъ...»

Онъ разозлилъ меня бахвальствомъ...
А я хотѣлъ еще помочь.
Да ну тебя съ твоимъ нахальствомъ!
И не спѣша пошелъ я прочь.

Но онъ заморщился и тонко
Захрюкалъ... Смотритъ, какъ больной...
Опять мнѣ жаль... И дьяволенка
Тащу, трудясь, къ себѣ домой.

Смотрю при лампѣ: дохлый, гадкій,
Не то дитя, не то старикъ.
И все твердитъ: «я сладкій, сладкій...»
Оставилъ я его. Привыкъ.

И даже какъ-то съ дьяволенкомъ
Совсѣмъ сжился я наконецъ.
Онъ въ полдень прыгаетъ козленкомъ,
Подъ вечеръ — теменъ, какъ мертвецъ.

То ходитъ гоголемъ-мужчиной,
То вьется бабой вкругъ меня,
А если дождикъ — пахнетъ псиной
И шерстку лижетъ у огня.

Я прежде всѣмъ себя тревожилъ:
Хотѣлъ того, мечталъ о томъ...
А съ нимъ мой домъ... не то, что ожилъ,
Но затянулся, какъ пушкомъ.

Безрадостно-благополучно,
И нѣжно-сонно, и темно...
Мнѣ съ дьяволенкомъ сладко-скучно...
Дитя, старикъ, — не все-ль равно?

Такой смѣшной онъ, мягкій, хлипкій,
Какъ разлагающійся грибъ.
Такой онъ цѣпкій, сладкій, липкій,
Все липнулъ, липнулъ, — и прилипъ.
И оба стали мы — единый.
Ужъ я не съ нимъ, — я въ немъ, я въ немъ.
Я самъ въ ненастье пахну псиной
И шерсть лижу передъ огнемъ...

ЖУРАВЛИ.

Тамъ теперь надъ проталиной вешнею
Громко кричатъ грачи,
И лаской полны нездѣшнею
Робкой весны лучи...
Протянулись сквозистыя нити...
Точно вѣстники тайныхъ событій
Съ неба на землю сошли.
Какою мѣрою печаль измѣрить?
О, дай мнѣ, о, дай мнѣ вѣрить
Въ правду моей земли.
Тамъ подъ ризою льдяной, кроткою,
Слышно дыханіе рѣкъ.
Тамъ теперь подъ березкой четкою
Слабѣе талый снѣгъ...
Не туда-ль, по тверди голубинной,
Не туда-ль, вереницею длинной,
Летятъ, стеня, журавли?

Какою мѣрою порывъ измѣрить?
О, дай мнѣ, о, дай мнѣ вѣрить
Въ счастье моей земли.
И я слышу, какъ ледъ разбивается,
Властно поетъ потокъ,
На ожившей землѣ распускается
Солнечно-алый цвѣтокъ...
Напророчили вѣщія птицы:
Отмерцали ночныя зарницы, —
Солнце встаетъ вдали...
Какою мѣрою любовь измѣрить?
О, дай мнѣ, о, дай мнѣ вѣрить
Въ силу моей земли.

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

Часъ одиночества укромный,
Снѣговъ молчанье за окномъ,
Тепло... Цвѣты... Свѣтъ лампы томный —
И письма старыя кругомъ.
Бѣгутъ мгновенія нѣмыя...
Дыханье слышу тишины...
И милы мнѣ листы живые
Живой и нѣжной старины.
Истлѣло все, что было тлѣньемъ,
Осталась радость чистоты.
И я съ глубокимъ умиленьемъ
Читаю блѣдные листы.

«Любовью, смерти неподвластной,
Люблю всегда, люблю навѣкъ...»
Искалъ побѣды не напрасно
Надъ смертью смѣлый человѣкъ.
Душа, быть можетъ, разлюбила —
Что намъ до мимолетныхъ сновъ?
Хранитъ таинственная сила
Безсмертіе рожденныхъ словъ.
Они когда-то прозвучали...
Пусть лживъ торжественный обѣтъ,
Пускай забыты всѣ печали, —
Словамъ, словамъ забвенья нѣтъ.
Тѣснятся буквы чернымъ роемъ,
Невѣрность вѣрную храня,
И чистотою и покоемъ
Отъ лжи ихъ вѣетъ на меня.
Живите, звуковъ сочетанья,
И повторяйтесь безъ конца.
Вы, сердца смертнаго созданья,
Сильнѣе своего творца.

. . . . . .

Летитъ мгновенье за мгновеньемъ,
Молчатъ снѣга и спятъ цвѣты...
И я смотрю съ благоговѣньемъ
На поблѣднѣвшіе листы.

ЦВѢТЫ НОЧИ.

О, ночному часу не вѣрьте!
Онъ исполненъ злой красоты.
Въ этотъ часъ люди близки къ смерти,
Только странно-живы цвѣты,
Темны, теплы тихія стѣны,
И давно каминъ безъ огня...
И я жду отъ цвѣтовъ измѣны, —
Ненавидятъ цвѣты меня.
Среди нихъ мнѣ жарко, тревожно,
Ароматъ ихъ душенъ и смѣлъ;
Но уйти отъ нихъ невозможно,
Но нельзя избѣжать ихъ стрѣлъ.
Свѣтъ вечерній лучи бросаетъ
Сквозь кровавый шелкъ на листы...
Тѣло нѣжное оживаетъ,
Пробудились злые цвѣты.
Съ ядовитаго арума мѣрно
Капли падаютъ на коверъ...
Все таинственно, все невѣрно...
И мнѣ тихій чудится споръ.
Шелестятъ, шевелятся, дышутъ,
Какъ враги, за мною слѣдятъ,
Все, что думаю, — знаютъ, слышатъ
И меня отравить хотятъ.
О, часу ночному не вѣрьте!
Берегитесь злой красоты.
Въ этотъ часъ мы всѣ ближе къ смерти,
Только живы одни цвѣты.

КОРОСТЕЛЬ.

«Горяча моя постель...
Думка бѣлая измята...
Гдѣ-то плачетъ коростель,
Ночь дневная пахнетъ мятой.
«Утомленная луна
Закатилась за сирени...
Кто-то бродитъ у окна,
Чьи-то жалобныя тѣни.
«Не меня — ее, ее
Любитъ онъ. Но не ревную.
Счастье вѣдаю мое
И, страдая, торжествую.
«Шорохъ, шопотъ я ловлю...
Обнялъ онъ ее, голубитъ...
Я одна — но я люблю.
Онъ — лишь думаетъ, что любитъ.
«Нѣтъ любви для двухъ сердецъ.
Тамъ, гдѣ двое — разрушенье.
Гдѣ начало — тамъ конецъ.
Гдѣ слова — тамъ отреченье.
«Посвѣтлѣетъ дымъ ночной,
Встанетъ солнце надъ сиренью,
Онъ уйдетъ къ любви иной...
Было тѣнью — будетъ тѣнью...
«Горяча моя постель,
Свѣтелъ духъ мой окрыленный...
Плачетъ нѣжный коростель,
Одинокій и влюбленный».

ТЫ ЛЮБИШЬ?

Былъ человѣкъ. И умеръ для меня.
И, знаю, вспоминать о немъ не надо.
Концу всегда, какъ смерти, сердце радо,
Концу земной любви—закату дня.
Уснувшаго я берегу покой.
Да будетъ легкою земля забвенья.
Распались тихо старой цѣпи звенья...
Но злая жизнь меня свела съ тобой.
Когда бываемъ мы наединѣ—
Тотъ, мертвый, третій—вѣчно между нами.
Твоими на меня глядитъ очами
И думаетъ тобою—обо мнѣ.
Увы! въ тебѣ, какъ и, бывало, въ немъ
Не вѣрность—но и не измѣна...
И слышу страшный, томный запахъ тлѣна
Въ твоихъ рѣчахъ, движеніяхъ,—во всемъ.
Безогненнаго чувства твоего
Чрезъ мертвеца въ тебѣ—не принимаю;
И неизмѣнно-строгимъ сердцемъ знаю,
Что не люблю тебя, какъ и его.

ЛЮБОВЬ—ОДНА.

Единый разъ вскипаетъ пѣной
И разсыпается волна.
Не можетъ сердце жить измѣной,
Измѣны нѣтъ: любовь—одна.
Мы негодуемъ, иль играемъ,
Иль лжемъ, но въ сердцѣ тишина.
Мы никогда не измѣняемъ:
Душа одна—любовь одна.
Однообразно и пустынно,
Однообразіемъ сильна,
Проходитъ жизнь... И въ жизни длинной
Любовь одна, всегда одна.
Лишь въ неизмѣнномъ—безконечность,
Лишь въ постоянномъ глубина.
И дальше путь, и ближе вѣчность,
И все яснѣй: любовь одна.
Любви мы платимъ нашей кровью,
Но вѣрная душа—вѣрна,
И любимъ мы одной любовью...
Любовь—одна, какъ смерть одна!

ЖЕНСКОЕ.

(«Нѣту»).

Гдѣ гніетъ сѣдѣющая ива,
гдѣ былъ и нынѣ высохъ ручеекъ,
дѣвочка, на краю обрыва,
плачетъ, свивая вѣнокъ.

Дѣвочка, кто тебя обидѣлъ?
скажи мнѣ: и я, какъ ты, одинокъ.
(Втайнѣ я дѣвочку ненавидѣлъ,
не понималъ, зачѣмъ ей вѣнокъ).

Она испугалась, что я увидѣлъ,
прошептала странный отвѣтъ:
меня Сотворившій меня обидѣлъ,
я плачу оттого, что меня нѣтъ.

Плачу, вѣнокъ мой жалкій сплетая,
и не тепелъ мнѣ солнца свѣтъ.
Зачѣмъ ты подходишь ко мнѣ, зная,
что меня не будетъ—и теперь нѣтъ?

Я подумалъ: это святая,
или безумная. Спасти, спасти!
Ту, что плачетъ, вѣнокъ сплетая,
взять, полюбить, и съ собой увести...

— О, зачѣмъ ты меня тревожишь?
мнѣ твоего не дано пути.
Ты для меня ничего не можешь:
того, кого нѣтъ,—нельзя спасти.

Ты душу за меня положишь,—
а я останусь вѣнокъ свой вить.
Ну, скажи, что̀ же ты можешь?
Это Богъ не далъ мнѣ—быть.
Не подходи къ обрыву, къ краю...
Хочешь убить меня, хочешь любить?
Я ни смерти, ни любви не понимаю,
дай мнѣ вѣнокъ мой, плача, вить.
Зачѣмъ я плачу—тоже не знаю...
Высохъ,—но онъ былъ ручеекъ...
Не подходи къ страшному краю:
мое бытіе: плача, вить вѣнокъ.

КРИКЪ.

Изнемогаю отъ усталости,
Душа изранена, въ крови...
Ужели нѣтъ надъ нами жалости,
Ужель надъ нами нѣтъ любви?
Мы исполняемъ волю строгую,
Какъ тѣни, тихо, безъ слѣда,
Неумолимою дорогою
Идемъ—невѣдомо куда.
И ноша жизни, ноша крестная,
Чѣмъ далѣе, тѣмъ тяжелѣй...
И ждетъ кончина неизвѣстная
У вѣчно запертыхъ дверей.
Безъ ропота, безъ удивленія
Мы дѣлаемъ, что̀ хочетъ Богъ.

Онъ создалъ насъ безъ вдохновенія
И полюбить, создавъ, не могъ.
Мы падаемъ, толпа безсильная,
Безсильно вѣря въ чудеса,
А сверху, какъ плита могильная,
Слѣпыя давятъ небеса.

ЗЕМЛЯ.

Пустынный шаръ въ пустой пустынѣ,
Какъ Дьявола раздуміе...
Висѣлъ всегда, виситъ понынѣ...
Безуміе. Безуміе.
Единый мигъ застылъ—и длится,
Какъ вѣчное раскаянье...
Нельзя ни плакать, ни молиться...
Отчаянье. Отчаянье.
Пугаетъ кто-то мукой ада,
Потомъ сулитъ спасеніе...
Ни лжи, ни истины не надо...
Забвеніе. Забвеніе.
Сомкни плотнѣй пустыя очи
И тлѣй скорѣй, мертвецъ.
Нѣтъ утръ, нѣтъ дней, есть только ночи...
Конецъ.

СВОБОДА.

Я не могу покоряться людямъ.
Можно ли рабства хотѣть?
Цѣлую жизнь мы другъ друга судимъ,—
Чтобы затѣмъ—умереть.
Я не могу покоряться Богу,
Если я Бога люблю.
Онъ указалъ мнѣ мою дорогу,
Какъ отъ нея отступлю?
Я разрываю людскія сѣти—
Счастье, унынье и сонъ.
Мы не рабы,—но мы Божьи дѣти,
Дѣти свободны, какъ Онъ.
Только взываю, именемъ Сына,
Къ Богу, Творцу Бытія:
Отче, вовѣкъ да будутъ едино
Воля Твоя и моя.

Ѳ. Сологубъ.

* * *

Скучная лампа моя зажжена,
Снова глаза мои мучитъ она.
Господи, если я рабъ,
Если я бѣденъ и слабъ,
Если мнѣ вѣчно за этимъ столомъ
Скучнымъ и скуднымъ томиться трудомъ,
Дай мнѣ въ одну только ночь
Слабость мою превозмочь
И въ совершенномъ созданьи одномъ
Чистымъ навѣки зажечься огнемъ.

* * *

Все было безпокойно и стройно, какъ всегда,
И чванилися горы, и плакала вода;
И булькалъ смѣхъ дѣвичій въ воздушный океанъ,
И басомъ объяснялся съ мамашей грубіянъ.
Пищали сто песчинокъ подъ дамскимъ башмакомъ,
И тысячи пылинокъ врывались въ каждый домъ.

Трава шептала сонно зеленыя слова.
Лягушка увѣряла, что надо квакать ква.
Кукушка повторяла, что гдѣ-то есть куку,
И этимъ нагоняла на барышень тоску,
И, пачкающій лапки играющихъ дѣтей,
Побрызгалъ дождь на шапки гуляющихъ людей,
И красили ужъ небо въ берлинскую лазурь,
Чтобъ дѣти не боялись ни дождика, ни бурь,
И я, какъ прежде, думалъ, что я—большой поэтъ,
Что міру будетъ явленъ мой незакатный свѣтъ.

* * *

По тѣмъ дорогамъ, гдѣ ходятъ люди,
Въ часы раздумья не ходи,—
Весь воздухъ выпьютъ людскія груди,
Проснется страхъ въ твоей груди.
Оставь селенья, иди далеко,
Или создай пустынный край,
И тамъ безмолвно и одиноко
Живи, мечтай и умирай.

* * *

I.—Я—Богъ таинственнаго міра,
Весь міръ въ однѣхъ моихъ мечтахъ.
II.—Не сотворю себѣ кумира
Ни на землѣ, ни въ небесахъ.
III.—Моей божественной природы
Я не открою никому.
IV.—Тружусь, какъ рабъ, а для свободы
Зову я ночь, покой и тьму.

НЮРЕНБЕРГСКІЙ ПАЛАЧЪ.

Кто знаетъ, сколько скуки
Въ искусствѣ палача!
Не брать бы вовсе въ руки
Тяжелаго меча.

И я учился въ школѣ
Въ стѣнахъ монастыря,
Отъ мудрости и боли
Томительно горя.

Но путь науки строгой
Я въ юности отвергъ,
И вольною дорогой
Пришелъ я въ Нюренбергъ.

На площади казнили:
У чьихъ-то смуглыхъ плечъ
Въ багряно-мглистой пыли
Сверкнулъ широкій мечъ.

Меня прельстила алость
Казнящаго меча
И томная усталость
Сѣдого палача.

Пришелъ къ нему, учился
Владѣть его мечомъ,
И въ дочь его влюбился,
И сталъ я палачомъ.

Народною боязнью
Лишенный вольныхъ встрѣчъ,
Одинъ предъ каждой казнью
Точу мой темный мечъ.

Одинъ взойду на помостъ
Росистымъ утромъ я,
Пока спокоенъ дома
Строгій судія.
Свяжу веревкой руки
У жертвы палача.
О, сколько тусклой скуки
Въ сверканіи меча!
Ударъ меча обрушу,
И хрустнутъ позвонки,
И кто-то броситъ душу
Въ размахъ моей руки.
И хлынетъ токъ багряный,
И, тяжкій трупъ влача,
Возникнетъ кто-то рдяный
И темный у меча.
Не опуская взора,
Пойду неспѣшно прочь
Отъ скучнаго позора
Въ мою дневную ночь.
Сурово хмуря брови,
Въ окошко постучу,
И дома жажда крови
Приникнетъ къ палачу.
Мой сынъ покорно ляжетъ
На узкую скамью.
Опять веревка свяжетъ
Тоску мою.

Стенанія и слезы,—
Палачъ—вездѣ палачъ.
О, скучный плескъ березы!
О, скучный дѣтскій плачъ!
Кто знаетъ, сколько скуки
Въ искусствѣ палача!
Не брать бы вовсе въ руки
Тяжелаго меча!

* * *

Я вѣрю въ творящаго Бога,
Въ святые завѣты небесъ,
И вѣрю, что явлено много
Безумному міру чудесъ.
И первое чудо на свѣтѣ,
Великій источникъ утѣхъ,—
Блаженно-невинныя дѣти,
Ихъ сладкій и радостный смѣхъ.

* * *

Цѣлуйте руки
У нѣжныхъ дѣвъ,
Широкій плащъ разлуки
На нихъ надѣвъ.

Цѣлуйте плечи
У милыхъ женъ,—
Покой блаженной встрѣчи
Имъ возведенъ.
Цѣлуйте ноги
У матерей,—
Надъ ними бичъ тревоги
За ихъ дѣтей.

* * *

Въ полѣ не видно ни зги,
Кто-то зоветъ:—Помоги!
Что я могу?
Самъ я и бѣденъ и малъ,
Самъ я смертельно усталъ,
Какъ помогу?
Кто-то зоветъ въ тишинѣ:
Братъ мой, приблизься ко мнѣ!
Легче вдвоемъ.
Если не сможемъ итти,
Вмѣстѣ умремъ на пути,
Вмѣстѣ умремъ!

* * *

Передразсвѣтный сумракъ дологъ,
И холодъ утренній жестокъ,
Заря, заря, раскинь свой пологъ,
Зажги надеждами востокъ.

Кто не усталъ, кто сердцемъ молодъ,
Тому легко перенести
Передразсвѣтный долгій холодъ
Въ истомѣ ранняго пути.
Но кто сжимаетъ пыльный посохъ
Сухою старческой рукой,
Тому какая сладость въ росахъ,
Завороженныхъ тишиной!

* * *

Въ истомѣ тихаго заката
Грустило жаркое свѣтило.
Подъ кровлей ветхой гнулась хата,
И тѣнью садъ полуприкрыла.
Березы въ немъ угомонились
И неподвижно пламенѣли.
То въ тѣнь, то въ свѣтъ переносились
Со скрипомъ зыбкія качели.
Печали ветхой злою тѣнью
Моя душа полуодѣта,
И то стремится жадно къ тлѣнью,
То ищетъ радостей и свѣта.
И покоряясь вдохновенно
Моей судьбы предначертаньямъ,
Переношусь поперемѣнно
Отъ безнадежности къ желаньямъ.

* * *

Все хочетъ пѣть и славить Бога,—
Заря, и ландышъ, и ковыль,
И лѣсъ, и поле, и дорога,
И вѣтромъ зыблемая пыль.
Они зовутъ за словомъ слово,
И пѣсню ихъ изъ вѣка въ вѣкъ
Въ иныхъ созвучьяхъ слышитъ снова
И повторяетъ человѣкъ.

* * *

По жестокимъ путямъ бытія
Я бреду, безпріютенъ и сиръ,
Но зато вся природа—моя,
Для меня наряжается міръ.
Для меня въ тайнѣ вешнихъ ночей,
Заливаясь, поютъ соловьи.
Какъ невольникъ, цѣлуетъ ручей
Запыленныя ноги мои.
И свѣтило надменное дня,
Золотые лучи до земли
Предо мною покорно склоня,
Разсыпаетъ ихъ въ сѣрой пыли.

* * *

Стояли клены въ тяжкомъ забытьи,
Цвѣты пестрѣли,
Съ травой шептались ясные ручьи,
Струясь безъ цѣли,
Надъ нивой и рѣкой обрывки тучъ,
Скользя, бѣжали,
И золотилъ ихъ коймы поздній лучъ
Зарей печали.

* * *

Какія-то свѣтлыя дѣвы
Сегодня гостили у насъ.
То не были дочери Евы,—
Такихъ я не видывалъ глазъ.
Я встрѣтилъ ихъ гдѣ-то далеко,
Въ суровомъ лѣсу и глухомъ.
Бѣжали онѣ одиноко,
Пугливо обнявшись, вдвоемъ.
И было въ нихъ много печали,
Больной, сиротливой, лѣсной,
И ноги ихъ быстро мелькали,
Покрытыя свѣтлой росой.
Но руки ихъ смѣлой рукою
Сложилъ я въ спасающій крестъ,

И вывелъ ихъ вѣрной тропою
Изъ этихъ пугающихъ мѣстъ.
И бѣдныя свѣтлыя дѣвы
Всю ночь прогостили у насъ,—
Я слушалъ лѣсные напѣвы,
И сладкій, и нѣжный разсказъ.

* * *

Стальная рѣшетка.
Здѣсь—пыль и каменья,
Тамъ—садъ и пруды,
Качается лодка,
Доносится пѣнье,
Алѣютъ плоды.
По жесткой дорогѣ
Толпой богомольцы
Куда-то спѣшатъ.
Въ болтливой тревогѣ
Звенятъ колокольцы,
Колеса гремятъ.
Въ гамакѣ плетеномъ,
То вправо, то влѣво,
Крыломъ вѣтерка,
Въ пріютѣ зеленомъ
Заснувшая дѣва
Качнется слегка.

* * *

Прохладная забава,—
Скамейка челнока,
Зеленая дубрава,
Веселая рѣка.
Въ простой нарядъ одѣта,
Сидишь ты у руля,
Ликующее лѣто
Улыбкою хваля.
Я тихо подымаю
Два легкія весла.
Твои мечты я знаю,—
Душа твоя свѣтла.
Ты слышишь въ лепетаньи
Прозрачныхъ тихихъ струй
Безгрѣшное мечтанье,
Невинный поцѣлуй.

* * *

Опять заря смѣяться стала,
Про ночь забыли небеса,
И переливно задрожала
На свѣжей зелени роса.
Ты гордый стыдъ преодолѣла,
Ты побѣдила сонмъ тревогъ,
И пышныхъ платьевъ не надѣла,
И не обула нѣжныхъ ногъ.

Конецъ исканіямъ мятежнымъ.
Одинъ лишь путь смиренный — правъ.
Къ твоимъ ногамъ въ лобзаньи нѣжномъ
Приникли стебли тихихъ травъ.
И свѣжесть утренней прохлады
Тебя, лаская, обняла.
Цвѣты душисты, птицы рады,
Душа свободна и смѣла.

* * *

Люби меня ясно, какъ любитъ заря,
Жемчугъ разсыпая и смѣхомъ горя.
Обрадуй надеждой и легкой мечтой
И тихо погасни за мглистой чертой.
Люби меня тихо, какъ любитъ луна,
Сіяя безстрастно, ясна, холодна.
Волшебствомъ и тайной мой міръ освѣти, —
Помедлимъ съ тобою на темномъ пути.
Люби меня просто, какъ любитъ ручей,
Звеня и цѣлуя, и мой, и ничей.
Прильни и отдайся, и дальше бѣги.
Разлюбишь, забудешь,—не бойся, не лги.

* * *

Суровый другъ, ты недоволенъ,
Что я грустна.
Ты молчаливъ, ты вѣчно боленъ, —
И я больна.
Но не хочу я быть счастливой,
Итти къ другимъ.

Съ тобой мнѣ жить въ тоскѣ пугливой,
Съ больнымъ и злымъ.
Отвыкла я отъ жизни шумной
И отъ людей.
Мой взоръ горитъ тоской безумной,
Тоской твоей.
Передъ тобой въ нѣмомъ томленьи
Сгораю я.
Въ твоемъ печальномъ заточеньи
Вся жизнь моя.

* * *

Для чего въ пустынѣ дикой
Ты возникъ, мой вешній цвѣтъ?
Безнадежностью великой
Безпощадный вѣетъ свѣтъ.
Нестерпимымъ дышитъ жаромъ
Лютый змѣй на небесахъ.
Покоряясь ярымъ чарамъ,
Міръ дрожитъ въ его лучахъ.
Милый цвѣтъ, ты стебель клонишь,
Ты грустишь, ты одинокъ,—
Скоро вѣнчикъ ты уронишь
На сухой и злой песокъ.
Для чего среди пустыни
Ты возникъ, мой вешній цвѣтъ,
Если въ мірѣ нѣтъ святыни
И надежды въ небѣ нѣтъ?

* * *

Тамъ тишина съ мечтой сплеталась
Въ кругу безвѣтренныхъ березъ,
И безнадежность улыбалась
Толпѣ больныхъ и жалкихъ грезъ.
Хотѣло сердце лицемѣрить,
И очи — слезы проливать,
И какъ-то странно было вѣрить,
И какъ-то странно было ждать.
И все томительно молчало, —
Уже природа не жила,
И не стремилась, не дышала,
И не могла, и не была.

* * *

Я шелъ безнадежной дорогой,
Когда еще день не погасъ.
Горѣлъ во мнѣ думою строгой
Вечерній томительный часъ.
И вдругъ декораціей плоской
Мнѣ все показалось тогда, —
Заря протянулась полоской,
И блесткой блеснула звѣзда,

И небо завѣсой висѣло,
Помостомъ лежала земля —
Но тайная сила кипѣла,
Кулисы порой шевеля.
Она лицемѣрно таилась
И межъ декорацій порой,
Невидима міру, грозилась
Предвѣчною дикою мглой.

* * *

Въ лѣсу кричала злая птица,
Едва ручей журчалъ въ кустахъ,
По небу прядала зарница,
Туманъ сгущался на поляхъ.
Изъ-за раскрытаго широко
Томленья полночи моей
Прозрачный голосъ издалека
Мнѣ что-то пѣлъ, — не знаю, чей.
И все, что вкругъ меня звучало, —
Ручей, и вѣтеръ, и трава, —
Все, докучая, заслоняло
Его эфирныя слова.
И я заклятіемъ молчанья
Воззвалъ къ природѣ, — и она
Очарованью заклинанья
Была на мигъ покорена.
Я ждалъ, — и въ вѣщемъ ожиданьи
Зажегся мнѣ великій свѣтъ.
Далекій зовъ погасъ въ молчаньи,
Но былъ въ молчаніи отвѣтъ.

* * *

Другъ мой тихій, другъ мой дальный,
Посмотри, —
Я холодный и печальный
Свѣтъ зари.
Я напрасно ожидаю
Божества, —
Въ блѣдной жизни я не знаю
Торжества.
Надъ землею скоро встанетъ
Ясный день,
И въ нѣмую бездну канетъ
Злая тѣнь, —
И безмолвный, и печальный,
Поутру,
Другъ мой тайный, другъ мой дальный,
Я умру.

* * *

Безжизненный чертогъ,
Случайная дорога...
Не хочетъ жизни Богъ, —
Иль жизнь не хочетъ Бога?
Опять встаетъ заря,
Колышутся туманы,
И робко ждутъ Царя
Томительныя страны.

Но лютый змій возникъ
И мечетъ стрѣлы злыя,
И грозенъ мертвый ликъ
Пылающаго змія.
Для смерти—здѣсь чертогъ,
Для случая—дорога.
Не хочетъ жизни Богъ,
И жизнь не хочетъ Бога.

* * *

Что мы служимъ молебны,
И предъ Господомъ ладанъ кадимъ.
Всѣ равно непотребны,
Позабытые Богомъ своимъ.
Въ міротканной порфирѣ,
Осѣненный покровами силъ,
Позабылъ онъ о мірѣ,
И отъ творческихъ дѣлъ опочилъ.
И нетлѣнной мечтою
Міровая мечта занята,
Не земною, иною, —
А земная пустыня — пуста.

* * *

Еслибъ хотѣлъ я любить,
Еслибы могъ я желать,
Въ мірѣ кого полюбить,
Въ жизни кого пожелать?
Только Отецъ мой да я,
Больше и нѣтъ никого.
Жизнь безъ хотѣнья — моя,
Воля безъ жизни — Его.

В. Брюсовъ.

ПОЭТЪ—МУЗѢ.

Я измѣнялъ и многому, и многимъ,
Я покидалъ въ часъ битвы знамена,
Но день за днемъ твоимъ велѣньямъ строгимъ
Душа была вѣрна.
Заслышавъ зовъ, ласкательный и властный,
Я трудъ бросалъ, вставалъ съ одра, больной,
Я отрывалъ уста отъ ласки страстной,
Чтобъ снова быть съ тобой!
Въ тиши полей, подъ нѣжный шопотъ нивы,
Обвѣянъ тѣнью тучекъ золотыхъ,
Я каждый трепетъ, каждый вздохъ счастливый
Вмѣстить стремился въ стихъ.
Во тьмѣ желаній, въ мукѣ сладострастья,
Ввѣряя жизнь безумью и судьбѣ,
Я помнилъ, помнилъ, что вдыхаю счастье,
Чтобъ разсказать тебѣ!

Когда стояла смерть, въ одеждѣ черной,
У ложа той, съ кѣмъ слиты всѣ мечты,
Сквозь скорбь и ужасъ я ловилъ упорно
Всѣ миги, всѣ черты.
Измученъ долгимъ искусомъ страданій,
Лаская пальцами тугой курокъ,
Я счастливъ былъ, что изъ своихъ признаній
Тебѣ сплету вѣнокъ.
Не знаю, жить мнѣ много или мало,
Иду я къ свѣту иль во мракъ ночной,
Душа тебѣ быть вѣрной не устала,
Тебѣ, тебѣ одной!

— Я —

Мой духъ не изнемогъ во мглѣ противорѣчій,
Не обезсилѣлъ умъ въ сцѣпленьяхъ роковыхъ.
Я всѣ мечты люблю, мнѣ дороги всѣ рѣчи,
И всѣмъ богамъ я посвящаю стихъ.
Я возносилъ мольбы Астартѣ и Гекатѣ,
Какъ жрецъ, стотельчихъ жертвъ самъ проливалъ
я кровь
И послѣ подходилъ къ подножіямъ распятій
И славилъ сильную, какъ смерть, любовь.
Я посѣщалъ сады Ликеевъ, Академій,
На воскѣ отмѣчалъ рѣченья мудрецовъ,
Какъ вѣрный ученикъ, я былъ ласкаемъ всѣми,

Но самъ любилъ лишь сочетанья словъ.
На островѣ Мечты, гдѣ статуи, гдѣ пѣсни,
Я изслѣдилъ пути въ огняхъ и безъ огней,
То поклонялся тѣмъ, что̀ ярче, что̀ тѣлеснѣй,
То трепеталъ въ предчувствіи тѣней.
И странно полюбилъ я мглу противорѣчій,
И жадно сталъ искать сплетеній роковыхъ.
Мнѣ сладки всѣ мечты, мнѣ дороги всѣ рѣчи,
И всѣмъ богамъ я посвящаю стихъ.

ВЪ ОТВѢТЪ.

Еще я долго поброжу
По бороздамъ земного луга,
Еще не скоро отрѣшу
Вола усталаго—отъ плуга.
Впередъ, мечта, мой вѣрный волъ.
Неволей, если не охотой!
Я близъ тебя, мой кнутъ тяжелъ,
Я самъ тружусь, и ты работай.
Нельзя намъ мига отдохнуть,
Взрывай земли сухія глыбы.
Не дологъ день, но длиненъ путь,
Веди, веди свои изгибы.
Ужъ полдень. Жаръ палитъ сильнѣй.
Не скоро тѣнь надъ нами ляжетъ.
Пустыненъ кругозоръ полей.
«Богъ помочь» намъ никто не скажетъ.

А помнишь, какъ пускались мы
Весеннимъ свѣжимъ утромъ въ поле,
И думали до сладкой тьмы
Съ другими рядомъ пѣть на волѣ?
Забудь объ утренней росѣ,
Не думай о ночномъ покоѣ.
Иди по знойной полосѣ,
Мой вѣрный волъ,—насъ только двое.
Намъ Кѣмъ-то Высшимъ подвигъ данъ
И спроситъ властно Онъ отчета...
Трудись, пока не легъ туманъ,
Смотри: лишь начата работа.
А въ часъ, когда намъ темнота
Закроетъ всѣ предѣлы круга,
Не я, а тотъ, Другой,—мечта,
Самъ отрѣшитъ тебя отъ плуга.

ВѢКЪ ЗА ВѢКОМЪ.

Взрываютъ весенніе плуги
Корявую кожу земли,—
Чтобъ осенью снѣжныя вьюги
Пустынный просторъ занесли.
Краснѣетъ лукаво гречиха,
Синѣетъ младенческій ленъ...
И снова все бѣло и тихо,
Лишь волки проходятъ какъ сонъ.

Колеблются нивы отъ гула,
Ихъ топчетъ озлобленный бой...
И снова безмолвно Микула
Взрѣзаетъ имъ грудь бороздой.
А древніе пращуры зорко
Слѣдятъ за работой сыновъ,
Ветлой наклоняясь съ пригорка,
Туманомъ вставая съ луговъ.
И дальше тропой неизбѣжной,
Сквозь годы и бѣдствій и смутъ,
Влечется суровый, прилежный,
Вѣками завѣщанный трудъ.

* * *

— Каменщикъ, каменщикъ, въ фартукѣ бѣломъ!
Что ты тамъ строишь? кому?
— Эй, не мѣшай намъ, мы заняты дѣломъ,
Строимъ мы, строимъ тюрьму.
— Каменщикъ, каменщикъ, съ вѣрной лопатой,
Кто же въ ней будетъ рыдать?
— Вѣрно, не ты, и не твой братъ, богатый;
Не зачѣмъ вамъ воровать.
— Каменщикъ, каменщикъ, долгія ночи
Кто-жъ проведетъ въ ней безъ сна?
— Можетъ быть, сынъ мой, такой же рабочій;
Тѣмъ наша доля полна.
— Каменщикъ, каменщикъ, вспомнитъ, пожалуй,
Тѣхъ онъ, кто несъ кирпичи!..
— Эй, берегись! Подъ лѣсами не балуй...
Знаемъ все сами, молчи!

ГОРОДУ.

Паря властительно надъ доломъ,
Огни вонзая въ небосклонъ,
Ты трубъ фабричныхъ частоколомъ
Неумолимо окруженъ.

Стальной, кирпичный и стеклянный,
Сѣтями проволокъ обвитъ,
Ты—чаровatель неустанный,
Ты—не слабѣющій магнитъ.

Дракономъ, хищнымъ и безкрылымъ,
Засѣвъ,—ты стережешь года,
А по твоимъ желѣзнымъ жиламъ
Струится газъ, бѣжитъ вода.

Твоя безмѣрная утроба
Вѣковъ добычей не сыта,—
Въ ней неумолчно ропщетъ Злоба,
Въ ней грозно стонетъ Нищета.

Ты, хитроумный, ты, упрямый,
Дворцы изъ золота воздвигъ,
Поставилъ праздничные храмы
Для женщинъ, для картинъ, для книгъ.

Но самъ скликаешь, непокорный,
На штурмъ своихъ дворцовъ—орду,
И шлешь вождей на митингъ черный:
Безумье, Гордость и Нужду!

И въ ночь, когда въ хрустальныхъ залахъ
Хохочетъ огненный Развратъ,
И нѣжно пѣнится въ бокалахъ
Мгновеній сладострастныхъ ядъ,—
Ты гнешь рабовъ угрюмыхъ спины,
Чтобъ, изступленны и легки,
Ротаціонныя машины
Ковали острые клинки.
Коварный змѣй, съ волшебнымъ взглядомъ!
Въ порывѣ ярости слѣпой,
Ты ножъ, съ своимъ смертельнымъ ядомъ,
Самъ подымаешь надъ собой.

ПОДРУГИ.

Три женщины, грязныя, пьяныя,
Обнявшись, идутъ и шатаются.
Дрожатъ колокольни туманныя,
Кресты у церквей наклоняются.
Заслышавши рѣчи безсвязныя,
На хриплыя пѣсни похожія,
Смѣются извозчики праздные,
Сторонятся грубо прохожіе.
Идутъ онѣ, грязныя, пьяныя,
Поютъ свои пѣсни, ругаются...
И горестно церкви туманныя
Предъ ними крестами склоняются.

КЪ ПОРТРЕТУ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

Ты намъ казался сумрачнымъ и властнымъ,
Безумной вспышкой непреклонныхъ силъ;
Но ты мечталъ объ ангельски-прекрасномъ,
Ты демонски-мятежное любилъ.

Ты никогда не могъ быть безучастнымъ,
Отъ гимновъ ты къ проклятіямъ спѣшилъ,
И въ жизни вѣрилъ всѣмъ мечтамъ напраснымъ;
Отвѣта ждалъ отъ женщинъ и могилъ.

Но не было отвѣта. И угрюмо
Ты затаилъ, о чемъ томилась дума,
И вышелъ къ намъ съ усмѣшкой на устахъ.

И мы тебя, поэтъ, не разгадали,
Не поняли младенческой печали
Въ твоихъ какъ будто кованыхъ стихахъ.

НАПОЛЕОНЪ.

Да! На дорогѣ поколѣній,
На пыли расточенныхъ лѣтъ,
Твоихъ шаговъ, твоихъ движеній
Остался неизмѣнный слѣдъ.

Ты сковань былъ по мысли Рока
Изъ тяжести и властныхъ силъ;
Не могъ ты не ступать глубоко, —
И шагъ твой землю тяготилъ.

Что строилось трудомъ суровымъ,
Вставало медленно въ вѣкахъ,
Ты сокрушалъ случайнымъ словомъ,
Движеньемъ повергалъ во прахъ.
Самъ изумленъ служеньемъ счастья,
Ты, какъ пращей, металъ войска,
И міровое самовластье
Бросалъ, какъ ставку игрока.
Пьянѣя славой неизмѣнной,
Ты шелъ сквозь міръ, круша, дробя...
И стало, наконецъ, вселенной
Не въ моготу носить тебя.
Земля дохнула полной грудью,
И ты, какъ листъ въ дыханьи грозъ,
Взвился—и полетѣлъ къ безлюдью,
И палъ, безсильный, на утесъ, —
Гдѣ на раздольи одичаломъ,
Отъ вѣка этихъ дней ждала
Тебя достойнымъ пьедесталомъ
Со дна встающая скала.

* * *

Море — въ безсильномъ покоѣ,
Образъ движенья исчезъ.
Море — какъ будто литое
Зеркало ясныхъ небесъ.
Камни въ дремотѣ тяжелой,
Берегъ въ томительномъ снѣ,
Грезятъ — о дерзкой, веселой,
Сладко-соленой волнѣ.

ВЪ ШХЕРАХЪ.

Морской заливъ, вошедшій въ сушу
Такъ далеко,
Твою мечтательную душу
Понять легко!
Скалѣ недвижной и холодной
Ты вѣсть принесъ,
Что есть безумье зыби водной
И буйство грезъ!
Но тамъ, гдѣ сосны сонно-строги
И мягокъ мохъ,
Ты слилъ, безъ силъ, свои тревоги
Въ единый вздохъ.
Приникъ лицомъ къ зеленымъ склонамъ,
Въ истомѣ спишь,
И только чайки страннымъ стономъ
Тревожатъ тишь.

ВЕСЕННІЙ ДОЖДЬ.

Надъ просторомъ позлащеннымъ
Пестрыхъ нивъ и дальнихъ рощъ
Шумомъ робкимъ и смущеннымъ
Застучалъ весенній дождь.

Вѣтеръ гнетъ струи въ изгибы,
Словно стебли камыша,
Въ небѣ мечутся, какъ рыбы,
Птицы, къ пристани спѣша.
Солнце смотритъ и смѣется,
Гребни травокъ золотя...
Что-жъ намъ, людямъ, остается
Въ мірѣ, зыбкомъ какъ дитя!
Съ солнцемъ смотримъ, съ небомъ плачемъ,
Съ вѣтромъ лугомъ шелестимъ...
Что̀ мы знаемъ? что̀ мы значимъ?
Мы—цвѣты! мы—мигъ! мы—дымъ!
Надъ просторомъ позлащеннымъ
Пестрыхъ нивъ и дальнихъ рощъ,
Шумомъ робкимъ и смущеннымъ
Прошумѣлъ весенній дождь.

РАБЪ.

Я—рабъ, и былъ рабомъ покорнымъ
Прекраснѣйшей изъ всѣхъ царицъ.
Предъ взоромъ пламеннымъ и черным,
Я молча повергался ницъ.
Я лобызалъ слѣды сандалій
На влажномъ утреннемъ пескѣ.
Меня мечтанья опьяняли,
Когда царица шла къ рѣкѣ.

И разъ—мой взоръ, сухой и страстный,
Я удержать въ пыли не могъ,
И онъ скользнулъ къ лицу прекрасной,
И очи бѣгло ей обжегъ...
И вздрогнула она отъ гнѣва.
Казнь—оскорбителямъ святынь.
И вдаль пошла—среди напѣва
За ней толпившихся рабынь.
И въ ту же ночь я былъ прикованъ
У ложа царскаго, какъ песъ.
И весь дрожалъ я, очарованъ
Предчувствіемъ безвѣстныхъ грезъ.
Она вошла стопой неспѣшной,
Какъ только жрицы входятъ въ храмъ,
Такой прекрасной и безгрѣшной,
Что было тягостно очамъ.
И падали ея одежды
До ткани, бывшей на груди...
И въ ужасѣ сомкнулъ я вѣжды...
Но голосъ мнѣ шепнулъ: гляди!
И юноша скользнулъ къ постели.
Она, покорная, ждала...
Лампадъ свѣтильни прошипѣли,
Настала тишина и мгла.
И было все на бредъ похоже.
Я былъ свидѣтель чаръ ночныхъ,
Всего, что̀ тайно кроетъ ложе,
Ихъ содроганій, стоновъ ихъ.

Я утромъ увидалъ ихъ — рядомъ,
Еще дрожащихъ въ смѣнѣ грезъ.
И вплоть до дня впивался взглядомъ, —
Прикованъ къ ложу ихъ, какъ песъ.
Вотъ сосланъ я въ каменоломню,
Дроблю гранитъ, стирая кровь.
Но эту ночь я помню, помню.
О, еслибъ пережить все — вновь!

ЖЕНЩИНАМЪ.

Вотъ онѣ, скорбныя, гордыя тѣни
Женщинъ, обманутыхъ мной.
Прямо въ лицо имъ смотрю безъ сомнѣній,
Прямо въ лицо этихъ блѣдныхъ видѣній,
Созданныхъ чарой ночной.
О, эти руки, и груди, и губы,
Выгибы алчущихъ тѣлъ.
Васъ обрѣталъ я, и вами владѣлъ.
Всѣ ваши тайны — то нѣжный, то грубый,
Властный, покорный — узнать я умѣлъ.
Да, я васъ бросилъ, какъ остовъ добычи,
Бросилъ на знойномъ пути.
Что-жъ, въ этомъ мірѣ вещей и обличій
Все мнѣ сказалось въ единственномъ кличѣ:
«Ты долженъ итти».

Васъ я любилъ такъ, какъ любятъ, и каждой
Душу свою отдавалъ до конца,
Но—мнѣ не страшно нѣмого лица.
Не одинаковой жаждой
Наши горѣли сердца.
Вы, опаленныя яростной страстью,
Въ ужасѣ падали ницъ.
Я, прикоснувшись къ послѣднему счастью,
Не опуская рѣсницъ,
Шелъ, увлекаемъ таинственной властью,
Къ ужасу новыхъ границъ.
Васъ я любилъ такъ, какъ любятъ, и знаю—
Съ каждой я былъ бы въ раю.
Но не хочу я довѣриться раю,
Душу мою изъ блаженствъ вырываю,
Вольную душу мою.
Дальше, все дальше, отъ счастья до муки,
Въ ужасы—въ бездну—во тьму.
Тщетно ко мнѣ простираете руки
Вы, присужденныя къ вѣчной разлукѣ:
Жить мнѣ и быть—одному.

РАДОСТНЫЙ.

...тотъ радостный мигъ,
Какъ тебя умолилъ я, несчастный
палачъ!
А. Фетъ.

Когда, счастливый, я уснулъ, она, —
Я знаю, молча сѣла на постели.
Отъ ласкъ недавнихъ у нея горѣли
Лицо, и грудь, и шея. Тишина
Еще таила отзвукъ нашихъ вскриковъ,
И терпкій запахъ двухъ усталыхъ тѣлъ
Дразнилъ дыханье. Лунныхъ легкихъ бликовъ
Лежали пятна на полу, и бѣлъ
Былъ доразсвѣтный сумракъ узкой спальной.
И женщина, во тьмѣ лицо клоня,
Усмѣшкой искаженное страдальной,
Смотрѣла долго-долго на меня,
Припоминая нашъ восторгъ минутный...
И чуждо было ей мое лицо,
И мысли были спутанны и смутны.
Но вдругъ, съ руки вѣнчальное кольцо
Сорвавъ, швырнула прочь, упала рядомъ,
Сжимая зубы, подавляя плачъ,
Рыдая глухо... Но, съ закрытымъ взглядомъ,
Я былъ простертъ во снѣ, нѣмой палачъ.

И снилось мнѣ, что мы еще сжимаемъ
Въ объятіяхъ другъ друга, что постель
Намъ кажется вновь сотвореннымъ раемъ,
Что мы летимъ, летимъ, и близко цѣль...
И въ свѣтѣ утреннемъ, когда всѣ краски
Безстыдно явственны, ея лица
Не понялъ я: печати слезъ иль ласки
Вкругъ глазъ ея два сумрачныхъ кольца?

НЕИЗБѢЖНОСТЬ.

Не все-ль равно, была-ль ты мнѣ вѣрна?
И былъ ли вѣренъ я, не все равно ли?
Не нами наша близость рѣшена,
И взоры уклонить у насъ нѣтъ воли.
Я вновь дрожу, и снова ты блѣдна,
Въ предчувствіи неотвратимой боли.
Мгновенья съ шумомъ льются, какъ потокъ,
И страсть надъ нами взноситъ свой клинокъ.
Кто-бъ насъ не создалъ, жаждущихъ другъ друга,
Богъ или Рокъ, не все ли намъ равно!
Но мы—въ чертѣ магическаго круга,
Заклятіе надъ нами свершено.
Мы клонимся отъ счастья и испуга,
Мы падаемъ — два якоря на дно!
Нѣтъ, не случайность, не любовь, не нѣжность,—
Надъ нами торжествуетъ — Неизбѣжность.

ТЕРЕМЪ.

Тихи дни и годы — годы въ терему,
Словно льются воды медленно во тьму.
День неслышно таетъ, гаснетъ безъ слѣда...
Тусклый свѣтъ роняетъ пестрая слюда;
За окошкомъ главы — малый край небесъ,
По простѣнкамъ травы — непостижный лѣсъ.
Съ темной образницы кроткій свѣтъ лампадъ...
Тѣ же, тѣ же лица, что̀ и день назадъ.
Та же все работа, пѣсни безъ души...
Льются дни безъ счета, какъ вода въ тиши...
Только въ воскресенье бѣгло видишь міръ:
Въ церкви чтенье, пѣнье — отдаленный клиръ.
Дома смѣхъ, салазки, снѣжная гора,
Да подъ вечеръ пляски, сказки гусляра.
Сны усталыхъ сладки — жжетъ лебяжій пухъ...
На ухо загадки кто-то шепчетъ вслухъ.
Снится сине море, снится царскій сынъ,
Знаешь страсть и горе, хоть на часъ одинъ.
Утро. Съ образницы кроткій свѣтъ на всѣхъ.
Тихо какъ въ гробницѣ. За окошкомъ — снѣгъ.

ДѢТСКАЯ.

Палочка-выручалочка,
Вечерняя игра.
Небо тѣни свѣсило,
Расшумимся весело,
Бѣгать намъ пора.
Разъ, два, три, четыре, пять,
Бѣгомъ тѣни не догнать.
Слово скажешь, въ траву ляжешь,
Черной цѣпи не развяжешь.
Снизу яма, сверху высь,
Между нихъ вертись, вертись.
Что̀ подъ нами, подъ цвѣтами,
За желѣзными столбами?
Кто на тронѣ? Кто въ коронѣ?
Вѣтеръ высью листья гонитъ
И уронитъ съ высоты...
Я ли первый, или ты?
Палочка-выручалочка,
То-то ты хитра.
Небо тѣни свѣсило,
Постучи-ка весело
Посреди двора.

НА ПЛЯЖѢ.

Я видѣлъ ихъ. Они вдвоемъ на пляжѣ
Бродили. Былъ онъ грустенъ и красивъ;
И не сходила съ устъ одна и та же
Улыбка. Взглядъ рѣсницами закрывъ,
Она шла рядомъ. Ликъ ея овальный
Прозраченъ былъ и тонокъ, но не живъ.
Качалось солнце, въ яркости прощальной,
Надъ далью моря. Волны на пескѣ
Чредой стихали, съ жалобой прощальной.
Игралъ оркестръ веселый вдалекѣ,
Нарядовъ дамскихъ пестрота мелькала...
И не было пріюта ихъ тоскѣ!
Когда-жъ заката пышность отблистала,
Замолкъ оркестръ, и берегъ сталъ пустымъ,
Какъ широта покинутаго зала, —
Коснулся ихъ лобзаніемъ святымъ
Вечерній вѣтеръ. Съ жалобнымъ укоромъ,
Въ безлюдьи море подступило къ нимъ.
И красный мѣсяцъ всталъ надъ боромъ,
Провелъ надъ боромъ яркую черту,
На нихъ взглянулъ неумолимымъ взоромъ.
И, взявшись за руки, одну мечту
Постигли оба. Страннымъ счастьемъ полны,
Вошли въ сіянье, кинувъ темноту.

И долго шли, покорны и безмолвны.
Вода росла и ширилась вкругъ нихъ.
Чрезъ плечи ихъ перебѣгали волны.
Вдругъ нѣжный вѣтеръ горестно затихъ,
И смолкъ прибой; лишь лунный взоръ на стражѣ
Одинъ сіялъ на небесахъ нагихъ.
Все было пусто въ морѣ и на пляжѣ.

ЯРОСТНЫЯ ПТИЦЫ.

Яростныя птицы съ огненными перьями
Пронеслись надъ бѣлыми райскими преддверьями,
Огненные отблески вспыхнули на мраморѣ,
И умчались странницы, улетѣли за море.
Но на чистомъ мраморѣ, на порогѣ
дѣвственномъ,
Что-то все алѣлося блескомъ неестественнымъ,
И въ вратахъ подъ сводами, вѣчными, алмазными,
Упивались ангелы тайными соблазнами.

* * *

Скала къ скалѣ; безмолвіе пустыни;
Тоска вѣтровъ и раскаленный сплинъ.
Межъ надписей и праздничныхъ картинъ
Хранитъ утесъ два образа святыни.
То — демоны въ объятіяхъ. Одинъ
Глядитъ на міръ съ надменностью гордыни;
Другой склоненъ, какъ падшій властелинъ.
Внизу стихи, нестертые донынѣ:
«Добро и зло — два брата и друзья.
Ихъ общій путь, ихъ жребій одинаковъ».
Не ясенъ смыслъ клинообразныхъ знаковъ.
Звенятъ порой признанья соловья;
Приходитъ тигръ къ подножію утеса.
Скала молчитъ. Отвѣтамъ нѣтъ вопроса.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
К. Фофановъ.	Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя...	1
»	Стансы.	2
»	Стансы сыну.	—
»	Notturno.	3
»	Чѣмъ смертоноснѣй влага въ чашѣ...	—
»	У порога.	4
»	Лавръ.	5
»	Осина.	—
»	Подъ напѣвъ молитвъ пасхальныхъ...	6
»	Голубая неба мгла...	—
»	Послѣ грозы.	7
»	Ландышъ.	8
»	Печально верба наклоняла . . .	—
»	Въ мутномъ туманѣ почила земля .	9
»	Въ ревнивую ночь.	—
»	Сонетъ.	10
»	Бездыханная поляна	11
»	На Невѣ.	—
»	Сонъ.	12
»	Есть странныя минуты.... . . .	13
»	Осеннее раздумье.	14
»	Гдѣ ты видѣла, чтобъ рыцарь... .	—
»	Забытая часовня.	15

стр.

В. Соловьевъ. Въ туманѣ утреннемъ невѣрными шагами... 17
» Милый другъ, не вѣрю я нисколько... 18
» Вся въ лазури сегодня явилась. . —
» Осеннею дорогой. 19
» Земля Владычица! . . . . . —
» Не по волѣ судьбы... 20
» Бѣдный другъ, истомилъ тебя путь... —
» Сонъ на яву. 21
Allegro. Петербургъ. 23
» День догорѣлъ... 24
» Дождь. . . . . —
» Что-то страшное чернѣетъ въ углу... . 25
М. Лохвицкая. Я не знаю, зачѣмъ упрекаютъ меня.. 26
» Ты мнѣ не вѣришь... . . . . —
» Не мучь меня... 27
» Чего ты хочешь? Назови! . . . 28
» Я жажду наслажденій знойныхъ... —
» Подземная свадьба 29
» Въ полевыхъ цвѣтахъ. . . . 30
» Мое небо. 31
» Ліонель. 32
» Пилигримы. 33
» Я хочу умереть молодой... . . 34
» Спящій лебедь. 35
И. Бунинъ. Въ Альпахъ. 36
» Трясина. 37
» На распутьи. . . . . —
» Бродяги. 39
» Съ кургана. 41
» Бушуетъ полая вода... 41
» Счастье. 42
» Сѣверная береза. 43
» Нынче ночью кто-то долго пѣлъ... . 44

		стр.
И. Бунинъ.	Какъ свѣтла, какъ нарядна весна...	45
»	Звѣзды ночи осенней...	—
»	Вечерняя звѣзда.	46
К. Бальмонтъ.	Будемъ какъ Солнце!	47
»	Люди Солнце разлюбили.	48
»	Завѣтъ бытія.	49
»	Двойная перевязь.	—
»	Еще необходимо любить и убивать...	—
»	Одна есть въ мірѣ красота....	50
»	На рубежѣ.	51
»	Три цвѣта.	53
»	Старая пѣсенка	54
»	Придорожныя травы.	55
»	Безглагольность	56
»	Четыре.	57
»	Наряды феи.	58
»	Осень.	—
»	Мечтательный вечеръ.	59
»	Я отдалъ себя...	60
»	Звѣздный хороводъ.	—
»	Я буду ждать тебя мучительно....	61
»	Она отдалась безъ упрека...	62
»	Лѣсныя травы.	—
»	У моря ночью.	63
»	Лебедь	64
»	Золотая звѣзда.	65
»	Морское чудо.	—
»	Птица Сиринъ.	66
»	Золотая рыбка.	67
»	Я мечтою ловилъ уходящія тѣни...	68
З. Гиппіусъ.	Пѣсня.	70
»	Безсиліе.	71
»	Пѣтухи.	—
»	Дьяволенокъ.	72
»	Журавли.	74

		стр.
З. Гиппіусъ.	Сентиментальное стихотвореніе. .	75
»	Цвѣты ночи.	77
»	Коростель.	78
»	Ты любишь?	79
»	Любовь—одна.	80
»	Женское.	81
»	Крикъ.	82
»	Земля.	83
»	Свобода.	84
Ѳ. Сологубъ.	Скучная лампа моя зажжена... . .	85
»	Все было безпокойно и стройно, какъ всегда...	—
»	По тѣмъ дорогамъ, гдѣ ходятъ люди...	86
»	Я — Богъ таинственнаго міра... . .	—
»	Нюренбергскій палачъ.	87
»	Я вѣрю въ творящаго Бога... . .	89
»	Цѣлуйте руки...	—
»	Въ полѣ не видно ни зги... . . .	90
»	Передразсвѣтный сумракъ дологъ....	90
»	Въ истомѣ тихаго заката. . .	91
»	Все хочетъ пѣть и славить Бога....	92
»	По жестокимъ путямъ бытія. . .	—
»	Стояли клены въ тяжкомъ забытьи...	93
»	Какія-то свѣтлыя дѣвы...	—
»	Стальная рѣшетка.	94
»	Прохладная забава...	95
»	Опять заря смѣяться стала.... . .	—
»	Люби меня ясно, какъ любитъ заря...	96
»	Суровый другъ, ты недоволенъ... .	—
»	Для чего въ пустынѣ дикой. . . .	97
»	Тамъ тишина съ мечтой сплеталась...	98
»	Я шелъ безнадежной дорогой... . .	—
»	Въ лѣсу кричала злая птица... . .	99
»	Другъ мой тихій...	100
»	Безжизненный чертогъ...	—

		стр.
Ѳ. Сологубъ.	Что мы служимъ молебны... . . .	101
»	Если-бъ хотѣлъ я любить... . . .	102
В. Брюсовъ.	Поэтъ — музъ.	103
»	—Я—	104
»	Въ отвѣтъ.	105
»	Вѣкъ за вѣкомъ.	106
»	Каменщикъ, каменщикъ, въ фартукѣ бѣломъ!	107
»	Городу.	108
»	Подруги.	109
»	Къ портрету М. Ю. Лермонтова. .	110
»	Наполеонъ.	—
»	Море—въ безсильномъ покоѣ .. .	111
»	Въ шхерахъ.	112
»	Весенній дождь.	—
»	Рабъ.	113
»	Женщинамъ.	115
«	Радостный.	117
»	Неизбѣжность.	118
»	Теремъ.	119
»	Дѣтская.	120
»	На пляжѣ.	121
»	Яростныя птицы.	122
»	Скала къ скалѣ...	—

(18) мн 371798
ЛКТ
Магазин № 88
п. Б. р.
кв. №
7-50
121753

Спб.—1914.—Ц. 60 к.

Складъ въ кн. скл. М. М. Стасюлевича.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 042511953